

VILNIAUS UNIVERSITETAS

Natalja Botkina

EPISTOLINIO PASAKOJIMO STRUKTŪROS YPATUMAI: MARINOS CVETAJEVOS
LAIŠKAI

Daktaro disertacijos santrauka
Humanitariniai mokslai, filologija (04H)

Vilnius, 2011

Disertacija rengta 2006-2010 metais Vilniaus universitete.

Mokslinė vadovė

doc. dr. Natalija Arlauskaitė (Vilniaus universitetas, humanitariniai mokslai, filologija – 04H)

Disertacija ginama Vilniaus universiteto Humanitarinių mokslų srities filologijos krypties taryboje:

Pirmininkas:

prof. habil. dr. Kęstutis Nastopka (Vilniaus universitetas, humanitariniai mokslai, filologija – 04 H)

Nariai:

doc. dr. Natalija Arlauskaitė (Vilniaus universitetas, humanitariniai mokslai, filologija – 04H)

doc. dr. Pavel Lavrinec (Vilniaus universitetas, humanitariniai mokslai, filologija – 04H)

prof. dr. Almira Ousmanova (Europos humanitarinis universitetas, humanitariniai mokslai, filosofija – 01 H)

dr. Roman Voitechovič (Tartu universitetas, humanitariniai mokslai, filologija – 04H)

Oponentai:

dr. Irina Savkina (Tampere universitetas, humanitariniai mokslai, filologija – 04H)

doc. dr. Inga Vidugirytė-Pakerienė (Vilniaus universitetas, humanitariniai mokslai, filologija – 04H)

Disertacija ginama viešame Humanitarinių mokslų srities filologijos krypties tarybos posėdyje 2011 m. gegužės 20 d. 16 val. Germanistikos kabinete (A9).

Adresas: Universiteto 5, 01513 Vilnius, Lietuva.

Disertacijos santrauka išsiuntinėta 2011 m. balandžio 19 d.

Disertaciją galima peržiūrėti Vilniaus universiteto bibliotekoje.

VILNIUS UNIVERSITY

Natalja Botkina

**Structural Peculiarities of Epistolary Narrative:
Marina Tsvetajeva's Letters**

Summary of doctoral dissertation
Humanities, philology (04 H)

Vilnius, 2011

The research was performed at Vilnius University in 2006-2010.

Research Supervisor:

Assoc. Prof. Dr. Natalija Arlauskaitė (Vilnius University, humanities, philology – 04 H)

The dissertation will be defended at the meeting of the Philology Committee of Vilnius University:

Chairperson:

Prof. Habil. Dr. Kęstutis Nastopka (Vilnius University, humanities, philology – 04 H)

Members:

Assoc. Prof. Dr. Natalija Arlauskaitė (Vilnius University, humanities, philology – 04 H)

Assoc. Prof. Dr. Pavel Lavrinec (Vilnius University, humanities, philology – 04 H)

Prof. Dr. Almira Ousmanova (European Humanities University, humanities, philosophy – 01 H)

Dr. Roman Voitechovič (University of Tartu, humanities, philology – 04 H)

Opponents:

Dr. Irina Savkina (University of Tampere, humanities, philology – 04 H)

Assoc. Prof. Dr. Inga Vidugirytė-Pakerienė (Vilnius University, humanities, philology – 04 H)

The dissertation will be presented for public defence at the meeting of the Philology Committee on 20th May 2011 at 16 o'clock at the Vilnius University Faculty of Philology of German studies room (A9).

Address: Universiteto 5, 01513 Vilnius, Lithuania.

The summary of Ph. D. dissertation was posted on 19 April 2011.

The dissertation is available at the Vilnius University Library.

ВИЛЬНЮССКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

Наталья Боткина

ОСОБЕННОСТИ СТРУКТУРЫ ПОВЕСТВОВАНИЯ В ПИСЬМАХ: ЭПИСТОЛЯРИЙ
МАРИНЫ ЦВЕТАЕВОЙ

Автореферат докторской диссертации
Гуманитарные науки, филология (04Н)

Вильнюс, 2011

Исследование было выполнено в Вильнюсском университете в 2006-2010 годах.

Научный руководитель:

Доц.др. Наталия Арлаускайте (Вильнюсский университет, гуманитарные науки, филология – 04Н)

Диссертация будет защищаться на заседании Совета по защите в области гуманитарных наук в Вильнюсском университете:

Председатель:

Проф. хабил. др. Кястутис Настопка (Вильнюсский университет, гуманитарные науки, филология – 04 Н)

Члены:

Доц. др. Наталия Арлаускайте (Вильнюсский университет, гуманитарные науки, филология – 04 Н)

Доц. др. Павел Лавринец (Вильнюсский университет, гуманитарные науки, филология – 04 Н)

Проф. др. Альмира Усманова (Европейский гуманитарный университет, гуманитарные науки, философия – 01 Н)

Др. Роман Войтехович (Тартуский университет, гуманитарные науки, филология – 04 Н)

Оппоненты:

Др. Ирина Савкина (Университет Тампере, гуманитарные науки, филология – 04 Н)

Доц. др. Инга Видугирите-Пакериене (Вильнюсский университет, гуманитарные науки, филология – 04 Н)

Публичная защита докторской диссертации состоится в 16.00 20 мая 2011 года на открытом заседании Совета по защите в области гуманитарных наук в Вильнюсском университете в кабинете германистики (А9).

Адрес: ул. Университето 5, LT-01513, Вильнюс, Литва.

Автореферат докторской диссертации был разослан 19 апреля 2011 года.

Диссертация доступна в библиотеке Вильнюсского университета.

BENDRA DARBO CHARAKTERISTIKA

Laiškai – kaip ir autobiografijos, atsiminimai (memuarai), dienoraščiai ir užrašų knygutės – yra autobiografiniai tekstai, kurių tyrimuose visada iškyla „poezijos ir tiesos“, t. y. fakto ir išmonės, santykio klausimas, sprendžiamas pagal tam tikroje kultūroje galiojančias literatūrinės konvencijas. Disertacijoje tyrinėjama literatūriškumo formų analizės autobiografiniuose tekstuose **problema**, pavyzdžiu imant epistolinį Marinos Cvetajevos epistolinio palikimą. Į analizuojamos korespondencijos korpusą įtraukiami stambesni susirašinėjimo blokai: tyrimo **medžiaga** tampa Cvetajevos laiškai Natalijai Gaidukevič, Salomėjai Andronikovai-Galpern, Aleksandrui Bachrachui, Ariadnei Berg, Verei Buninai, Valentinui Bulgakovui, Abraomui Višniakui (Helikonui), Nikolajui Gronskiui, Romanui Guliui, Olgai Kolbasinai-Černovai, Raisai Lomonosovai, Konstantinui Rodzevičiui, Vadimui Rudniovui, Vladimirui Sosinskiui, Petruui Suvčinskiui, Annai Teskovai, Georgijui Fedotovui, Dmitrijui Šachovskui, Anatoliui Šteigeriui. Į nagrinėjamų laiškų korpusą neįtraukiamas trišalis Cvetajevos, Boriso Pasternako ir Rainerio Marija Rilke's susirašinėjimas, užimantis ypatingą vietą rašytojos epistolikoje. Šis susirašinėjimas iš karto konstruojamas kaip dialogas ir numano specifines susirašinėjimo strategijas. Disertacijoje apsiribojama tradicinių susirašinėjimo formų analize, be to, dėmesio centre yra būtent Cvetajevos laiškai, o jos korespondentų tekstai daugeliu atvejų lieka už tyrimo ribų.

Pagrindiniai šio tyrimo tikslai – (I) pasiūlyti analitinį darbo su autobiografiniais teksta modelį, (II) remiantis Marinos Cvetajevos laiškų korpusu ištirti epistolinio teksto naratyvinės struktūros ypatumus, (III) pasiūlyti būdų literatūriškumo problemoms tokio pobūdžio tekstuose spręsti.

Analizės metodai. Šiam tyrimui svarbus formalistinis-(post)struktūralistinis požiūris į tekstą, susitelkiantis į vidinės teksto struktūros išryškinimą bei jos ypatumus ir santykius tarp įvairių šios struktūros elementų. Darbe aktualizuojami Jurijaus Tynianovo, nagrinėjusio skirtingų žanrinių sistemų santykius, darbai; Romano Jakobsono tyrimai, skirti lingvistikos ir poetikos santykio problemai aptarti bei formaliosios mokyklos idėjų plėtojimas Jurijaus Lotmano darbuose.

Cvetajevos epistolikos analizę grindžiantis *naratologinis* metodas leidžia aprašyti autobiografinio teksto naratyvinės struktūros ypatumus. Pirmiausia remiamasi Gérard'o Genette'o pasakojimo lygmenų koncepcija, kuri tampa raktu į žanrinę laiškų specifiką.

Pagrindinė šiame tyrime keliamą problema – metodo, suteikiančio įrankių laiškų literatūriškumui tirti, paieškos. Pirmiausia siekiama nustatyti, kokiuose teksto lygmenyse ir

elementuose reikėtų ieškoti literatūriškumo bei perėjimo į literatūrinį režimą apraiškų. Vienu iš atspirties taškų tampa *intertekstualumo* samprata, kuri remiasi Genette'o apibrėžimu ir klasifikacija: intertekstualumas plačiąja prasme (arba *transtekstualumas*) suvokiamas ne tik kaip teksto santykis su kitu tekstu ar jo dalimi, bet ir, pavyzdžiui, su žanrinėmis schemomis.

Kalbant apie laiškų literatūriškumą taip pat svarbi grožinių tekstų ir jų autorių hierarchija konkrečioje istorinėje-kultūrinėje situacijoje. Čia remiamasi sociologo Pierre'o Bourdieu darbais, kuriuose literatūros pasaulis suvokiamas ne kaip vienuose erdvė, susidedanti iš literatūros tekstų, bet kaip *literatūros laukas*, t. y. socialinės erdvės dalis, kur veikia agentai (autoriai, jų grupės, leidiniai ir t. t.), konkuruojantys dėl dominuojančių pozicijų. Ši konkurencinė kova, kuri reiškiasi definicijų konfliktu, „gamina“ literatūrinę hierarchiją bei lauko istoriją.

Temai skirta **mokslinė literatūra** susideda iš kelių teminių grupių, sąlygojamų darbo struktūros. Viena grupė – tai monografijos ir straipsniai, sudarantys teorinę ir metodologinę tyrimo bazę. Į šią grupę patenka darbai, skirti autobiografinių tekstų tyrimo problemoms (J. Butler, E. H. Cook, P. J. Eakin, M. Evans, L. Ginzburg, E. Jelinek, G. Jelizavetina, K. Jensen, L. S. Kauffman, P. Lejeune, J. Levkovič, L. Marcus, J. Olney, I. Paperno, V. Podoroga, I. Savkina, S. Smith, K. D. Sok, D. C. Stanton, W. M. Todd III, L. Volpert, J. Watson ir t. t.), ir tyrimai, siūlantys įvairius teksto analizės metodus (J. Apresian, J. Austin, P. Bourdieu, G. Genette, R. Jakobson, J. Lotman, J. Tynianov ir t. t.). Kitą grupę sudaro Cvetajevos poetikos tyrinėjimui skirti darbai (S. Akhmadejeva, K. Azadovskij, T. Gevorkian, O. Hasty, S. Jelnickaja, M. Liapon, N. Osipova, O. Revzina, A. Smith, I. Ševelenko, R. Vojtechovič, L. Zubova, K. Žogina ir t. t.).

Disertacijos naujumą lemia trys aplinkybės:

- pirma: tyrimo medžiaga (Cvetajevos epistolika) iki šiol yra mažai tyrinėta;
- antra: teorinės nuostatos, pasiūlytos autobiografinės literatūros tyrinėtojų ir patikslintos naratologine prieiga, pirmą kartą pritaikomos visai vieno autoriaus epistolikai analizuoti;
- trečia: šiame darbe siūlomas laiškų literatūriškumo tyrinėjimo modelis gali būti pritaikytas analizuojant ir kitokio pobūdžio autobiografinius tekstus.

Taikomoji disertacijos vertė: siūlomas analizės metodas, išbandomas Cvetajevos laiškų naratyvinės struktūros tyrimu, gali būti pritaikytas ir kitų autorių, pirmiausia modernistų, rašiusių įvairių nacionalinių tradicijų rėmuose, epistolikai. Šio tyrimo rezultatai taip pat gali būti

naudingi kuriant kursus, skirtus autobiografinio rašymo istorijai ir teorijai arba 1920–1930 metų kultūrinei ir literatūrinei situacijai.

Atliktas tyrimas leidžia suformuluoti šiuos **ginamuosius teiginius**:

1. Laiškų naratyvinę struktūrą sudaro du naratyviniai lygmenys: pasakojimas apie įvykius (diegetinis) ir pats naracijos aktas (ekstradiegetinis), fiksuojantis naratorių kaip „rašančią plunksną“. Ekstradiegetinis lygmuo iš dalies atitinka autobiografinio teksto autoriui priskiriamus peritekstus.

2. Cvetajevos epistoliką sudaro keturi susirašinėjimo tipai: buitinis (laiškai moterims), dalykinis (laiškai redaktoriams), epistoliniai romanai (laiškai vyrams) ir laiškai išimtyms, priartėjantys prie meilės laiškų, tačiau adresuoti moterims.

3. Visiems susirašinėjimo tipams būdingas literatūriškumas, bet literatūrinio registro pajungimo pobūdis priklauso nuo lytiškai žymėto adresato.

4. Literatūriškumo požymių Cvetajevos epistolikai suteikia:

4.1 laiškų dialogas su įvairių laikotarpių literatūriniais tektais;

4.2 laiškų santykis su pačios Cvetajevos literatūriniais tektais;

4.3 nuorodos į užtekstinės literatūrinės bendruomenės įvykius ir hierarchines literatūros lauko kovas;

4.4 ypatingas požiūris į žodį, būdingas literatūriniam tekstui (aliteracijos, asonansai ir t. t.).

5. Cvetajevos epistolinio palikimo tyrinėjimas gali būti apibendrintas modeliu, potencialiai pritaikomu ir kitokiems atvejams.

Disertacijos teiginiai **aprobuoti konferencijose**:

- a) Tarptautinė mokslinė konferencija Daugpilio universiteto filologijos fakultete „Русская поэзия: год 1924“ [Rusų poezija: 1924 metai], vykusi 2006 m. lapkričio 24–25 d. Skaitytas pranešimas: „Особенности авто/биографического текста Марины Цветаевой: письма к Борису Пастернаку 1924 года“ [Marinos Cvetajevos auto/biografinio teksto ypatumai: 1924 metų laiškai Borisui Pasternakui].
- b) Mokslinė konferencija Lietuvių išėivijos institute (VDU) „Lietuvė moteris emigracijoje“, vykusi 2007 m. lapkričio 16 d. Skaitytas pranešimas: „Autobiografinio teksto skaitymas: Marinos Cvetajevos atvejis“.
- c) Tarptautinė mokslinė konferencija Tampere universitete (Suomija) „Women’s Writing. Mapping Experience“ [Moterų rašymas. Patirties žemėlapiavimas], vykusi 2008 m. kovo 14–15 d. Skaitytas pranešimas: „Фигура повествователя в письмах М. Цветаевой К.“

Родзевичу“ [Pasakotojo figūra Marinos Cvetajevos laiškuose Konstantinui Rodzevičiui].

- d) Respublikinė doktorantų mokslinė konferencija Vilniaus universiteto filologijos fakultete „Naujausi humanitariniai tyrinėjimai – 2008“, vykusi 2008 m. balandžio 24 d. Skaitytas pranešimas: „Pasakotojas Marinos Cvetajevos laiškuose Konstantinui Rodzevičiui“.
- e) Tarptautinė mokslinė konferencija Daugpilio universiteto filologijos fakultete „Русская поэзия: год 1925“ [Rusų poezija: 1925 metai], vykusi 2008 m. gruodžio 4–5 d. Skaitytas pranešimas: „Герой труда Марина Цветаева“ [Marina Cvetajeva – darbo didvyrė].
- f) Tarptautinė mokslinė konferencija Rusijos valstybiniame humanitariniame universitete (Maskva) „Феномен заглавия. Финальный комплекс текста“ [Antraštės fenomenas. Galutinis teksto kompleksas], vykusi 2009 m. balandžio 10–11 d. Skaitytas pranešimas: „Повествователь на пороге текста (письма Марины Цветаевой)“ [Pasakotojas ant teksto slenkščio (Marinos Cvetajevos laiška)].
- g) Respublikinė doktorantų mokslinė konferencija Lietuvių literatūros ir tautosakos institute „Doktorantų agora: metodologiniai mainai“, vykusi 2009 m. rugsėjo 24 d. Skaitytas pranešimas: „Auto-bio-grafija: autobiografinio žanro tyrimo problema“.
- h) Tarptautinė mokslinė konferencija Gorkio pasaulinės literatūros institute RMA (Rusija, Maskva), „Литература и документы: теоретическое осмысление темы“ [Literatūra ir dokumentai: teoriniai apmąstymai], vykusi 2010 m. balandžio 23 d. Skaitytas pranešimas: „Литературные приметы частной переписки (случай Марины Цветаевой)“ [Privataus susirašinėjimo „literatūrinės žymės“ (Marinos Cvetajevos atvejis)].
- i) Respublikinė mokslinė konferencija Lietuvių literatūros ir tautosakos institute „Moterų rašymas: tradicija, interpretacijos, vizijos“, vykusi 2010 m. kovo 18–19 d. Skaitytas pranešimas: „‘Mielasis drauge...’ Marinos Cvetajevos laiškai Natalijai Gaidukevič“.

Su pagrindiniais disertacijos teiginiais supažindinta Vilniaus universiteto Lyčių studijų centro seminare „Ką reiškia skaityti ir rašyti laiškus“ 2009 m. balandžio 14 d.

Disertacija svarstyta ir jos teiginiams pritarta Vilniaus universiteto Filologijos fakulteto Rusų filologijos katedros posėdyje 2010 m. gruodžio 12 d.

Disertacijos struktūra. Darbas susideda iš įvado, keturių dalių („Literatūrinė virtuvė: moterims adresuotų laiškų naratyvinės struktūros ypatumai“, „Literatūriniai pastoliai: vyrams adresuotų meilės laiškų naratyvinės struktūros ypatumai“, „Literatūros užkulisiai: dalykinių

laiškų naratyvinės struktūros ypatumai“, „Literatūrinis maskaradas: moterims adresuotų meilės laiškų naratyvinės struktūros ypatumai (laiškai išimty)“, išvadų ir literatūros sąrašo.

Vidinė skyrių struktūra remiasi šia schema: pradžioje nagrinėjami kreipinių, atsisveikinimo, prašymų ir padėkų ypatumai, tuomet analizuojama rašymo akto specifika konkrečioje tekstų grupėje. Ne visuose skyriuose svarstomi visi penki minėti elementai – tai nulemia pačių laiškų vidinė organizacija, kuri aptariama atskirame skyriuje.

PAGRINDINIS DARBO TURINYS

Tyrimo teorinis kontekstas

Autobiografinių tekstų padėtis literatūros tyrimuose ypatinga – jie apibūdinami kaip grožinės literatūros paribys. Rusų formalistas Jurijus Tynianovas trečiojo dešimtmečio darbuose („Literatūrinis faktas“ (1924), „Literatūrinė evoliucija“ (1927)) įveda *literatūrinio fakto* ir *literatūrinės buities* sampratas. Literatūrinė buitis suvokiama kaip literatūros periferija, iš kurios pasipildo literatūrinių faktų (reiškinių, kurie tam tikru laikotarpiu atsiranda literatūros centre, tampa kanono dalimi) arsenalas. Literatūrinės buities ir literatūros fakto sampratas Tynianovas aiškina, pateikdamas pavyzdžių iš XVIII a. buitinių (tai, pagal Tynianovo terminologiją, sinonimiška (auto)dokumentikai¹) tekstų ir grožinių žanrų santykių.

Tynianovas pabrėžia, kad „grožinė buitis“ [...] meno funkcionavimo požiūriu yra kažkas kita nei menas, tačiau reiškinių forma jie susiliečia“, t. y. yra kokybiškai panašūs. Kol Tynianovas svarstė literatūros istorijos problemas, Romanas Jakobsonas aptarė pačią literatūros sampratą. Jis siūlė kalbėti ne apie literatūrą, bet apie *literatūriškumą*: tai tas ypatingas teksto „požymis“, kuris leidžia tekstą įtraukti į literatūros tekstų korpusą. Tuomet šis bendras, įvairius tekstus jungiantis požymis, apie kurį kalba Tynianovas, yra literatūriškumas, kuris koncentruojasi literatūros centre ir sklaidosi periferijoje.

Išskirdamas literatūroje centrą ir periferiją, Tynianovas į literatūros apibrėžimą įveda erdvinį matmenį ir tokiu būdu „primeta“ *literatūrinės erdvės* terminą, kuris nėra metodologiškai neutralus. Literatūros mokslo tradicijoje erdvinės kategorijos itin svarbios aprašant teksto reikšmes. Šiame darbe erdvės kategorija naudojama aprašyti tam, kas vadinama „literatūra“. Kaip pažymi Antoine’as Compagnonas, reziumuodamas literatūros apibrėžimo paieškas nuo Aristotelio iki Gérard’o Genette’o, klausimas, kas yra literatūra, neišsprendžiamas. Genette’as siūlo kalbėti apie konstitutyvinių (iš esmės: formalieji kanonai) ir kondicionalių (pagal aplinkybes:

---

¹ Šiame darbe, laikantis Vakarų tradicijos, vartojamas terminas „autobiografiniai tekstai“, kuris atitinka rusų autobiografinių tekstų tyrinėjimo tradicijoje nusistovėjusią „autodokumentikos“ sąvoką. Greta „autodokumentikos“ sąvokos rusų tradicijoje taip pat vartojami terminai „autoreferentiniai tekstai“, „egodokumentas“.

istoriniai faktoriai) literatūriškumą, kai pagal skaitymo aplinkybes keičiasi ir to, kas laikoma „literatūra“, turinys. Ši idėja turi sąsąskų su Tynianovo darbais apie literatūros evoliuciją bei centą/periferiją. Disertacijoje literatūra laikomi visi tekstai, kuriems tam tikru laikotarpiu buvo taikoma paslanki literatūros samprata. Literatūrine erdve savo ruožtu vadinsime siužetą, personažą, poetiką, literatūros mokyklą, instanciją ir t. t. visumą. Samprotaudamas apie mitopoetinę erdvę, Vladimiras Toporovas nurodo, kad erdvės sampratos vartojimas susijęs su tam tikru taškų santykių bei atstumo tarp jų nustatymu. Literatūros erdvė konkretizuojama Pierre'o Bourdieu literatūros lauko teorijoje, kur aktualus tampa nebe tekstas pats savaime, bet tekstų, autorių, literatūros mokyklų hierarchija, t. y. už jų slypinčių pozicijų ir jų santykių klausimas.

Su literatūros samprata susijęs literatūriškumas Compagnono apibrėžiamas „ne kažko buvimu ar nebuvimu, principu ‘viskas arba nieko’, bet principu ‘daugiau ar mažiau’“. Remiantis šiam tyrimui priimtinais literatūros ir literatūrinės erdvės apibrėžimais, literatūriškumas suvokiamas kaip (1) laiškų transtekstiniai santykiai; (2) laiškų strategijų santykis su literatūros lauko įvykiais; (3) „grožinė“ žodžių jungimo logika (aliteracijos, asonansai).

Kadangi literatūriškumas – ne tik teksto požymis, kurio gali būti daugiau ar mažiau ir kuris gali būti išreikštas ar potencialus, bet ir teksto funkcionavimo būdas, kai kada verta kalbėti apie literatūrinį funkcionavimo modusą/registrą/režimą.

Darbo su autobiografiniais tekstaais sudėtingumą nusako jau pati definicija: *autos* (pats) – *bios* (gyvenimas) – *graphein* (rašyti). *Autos* įveda subjekto/objekto, autentiškumo, atminties problemą; *bios* – referencijos, dokumentiškumo, patirties problemą; *graphein* suproblemina *autos* ir *bios* tekstinę išraišką bei skatina kelti literatūriškumo klausimą.

Šiuolaikinių autobiografinių tekstų tyrinėjimų atspirties tašku galima laikyti 1980 metais pasirodžiusį Jameso Olney'aus sudarytą rinkinį *Autobiografija: teorinės ir kritinės esė* (*Autobiography: Essays Theoretical and Critical*) ir straipsnių rinkinį *Moterų autobiografija: kritinės esė* (*Women's Autobiography: Essays in Criticism*), sudarytą Estelle'os Jelinek. Olney'aus rinkinys apibendrina darbus, kurie rodo autobiografinių tyrinėjimų poslinkį nuo *bios* kaip istorinių faktų grandinės prie *autos* ir *graphein*, o Jelinek atveria naują medžiagą autobiografiniams tyrimams (moterų autobiografijas) ir sykiu naują (lyčių) perspektyvą.

Laiškų padėtis autotekstų analizės „rinkoje“ įdomi tuo, kad tam tikrais laikotarpiais laiškų forma tampa dominuojančia literatūrine (romano) forma, o romanų laiškuose autoriai deklaruoja susirašinėjimo autentiškumą ir apsimeta esantys šių tekstų redaktoriai ir leidėjai. Laiškų kaip „literatūrinių faktų“ analizei skirta nemažai darbų (J. G. Altman, E. H. Cook, M. G.

Fraanje, L. S. Kauffman, P. A. Rosenmeyer ir kiti), tačiau laiškai, kurie priskirtini „literatūrinei buičiai“, lieka tyrinėtojų dėmesio periferijoje.

Asmeninių laiškų tyrimuose galima išskirti tris prieigas. Pirmoji – biografinė. Šios pakraipos rėmuose laiškai tampa žinių apie autorių, tekstų sukūrimo ir publikavimo aplinkybių šaltiniu.

Antroji prieiga – istorinė-kultūrologinė. Dalies šių tyrimų dėmesio centre – Puškino rato draugų susirašinėjimai (L. Volpert, I. Paperno, N. Stepanov, W. M. Todd III ir kt.). Kita šios prieigos kryptis tyrinėja laiškus (ir atitinkamai atrenka medžiagą) kaip kūrybos laboratoriją, maksimaliai priartintą prie meninių tekstų (K. D. Sok, R. Hardack ir kt.).

Trečiam požiūriui laiškų autoriaus dalyvavimas literatūrinėje veikloje nėra būtinas. Čia analizės objektu tampa moterų tekstai, ir tokio pobūdžio darbai vykdomi lyčių studijų tyrimų rėmuose (N. Armstrong, C. Brant, K. Cherewatuk, A. Gilroy, K. A. Jensen, D. Landry, I. Savkina, W. M. Verhoeven, U. Wiethaus ir kt.).

Laikui bėgant autobiografinių tekstų korpusas pasipildo nauja medžiaga, pavyzdžiui, performansais, komiksais, teatro pastatymais, – visa tai plečia tyrimų lauką ir keičia skaitymo ir analizės perspektyvą. Nepaisant to, skirtingų požiūrių ir prieigų bendrąja vieta autobiografiniuose tyrimuose tampa Philippe'o Lejeune'o vardas.

Autobiografinių tyrimų projektą Lejeune'as plėtojo 7-ajame XX amžiaus dešimtmetyje. Atspirties tašku jau buvo tapęs klasikiniu autobiografijos kaip „retrospektyvaus prozos teksto, parašyto realaus asmens ir susitelkusio į asmeninį rašančiojo gyvenimą, ypač jo asmenybės tapsmą“ apibrėžimas. Lejeune'as įveda *autobiografinio pakto* ir *autobiografinio akto* sampratas. Mokslininko dėmesys sutelkiamas į autoriaus vardą, kuris paprastai yra viršelyje, virš ar po knygos pavadinimu, antraštiniame lape. Ten pat nurodomas knygos žanras („autobiografija“, „biografija“, „dienoraščiai“ ir t. t.). Šį pirmąjį puslapį su autoriaus „parašu“ Lejeune'as siūlo laikyti dokumentu – autobiografiniu susitarimu (sutartimi, paktu). Šis, be abejo, gali būti mistifikuotas vartojant juridinius terminus – falsifikuotas, bet čia jau „teistinas“ pasirašęs asmuo.

Prieš autobiografinį paktą dar turi įvykti autobiografinis aktas, t. y. teksto *parašymas*. Lejeune'as siūlo skirti praeitį kaip autobiografiniame tekste atkurtus įvykius ir patį praeities atkūrimo dabartyje procesą – autobiografinį aktą. Anot Lejeune'o, *littérature intime* tyrinėjimų dėmesio centre turi būti būtent autobiografinis aktas.

Disertacijoje Lejeune'o teorinės nuostatos tikslinamos Genette'o pasiūlyto metodologinio aparato pagrindu, konkrečiai veikaluose *Pasakojimo diskursas* (*Discours du récit* (1972)) ir *Paratekstai: interpretacijos slenksčiai* (*Seuils* (1987)).

Autobiografinio teksto atveju, kaip mano Lejeune'as, ypač aktualūs yra teksto santykiai su artimiausia tekstine apsuptimi. Tokius santykius Genette'as vadina paratekstiniais. Teksto ryšį su jo ribiniais elementais, fiziškai priklausančiais tekstui (autorius vardas, epigrafas, dedikacija, įvadas ir t. t.), Genette'as pavadino *peritekstais*, o teksto ryšį su jo apsuptimi, kuri yra už teksto, – *epitekstais* (laiškai, interviu, dienoraščiai ir t. t.). Genette'as taip pat atskiria autoriaus ir leidėjo paratekstus. Autoriniai peritekstai yra tas autobiografinio teksto elementas, kurį Lejeune'as vadina autobiografiniu paktu.

Laiškų komunikacinėje situacijoje paratekstais (peritekstais) laikomi adresanto ir adresato vardai, adresas ir data. Jie egzistuoja teksto paribyje, būdami slenksčiu tarp tekstinės ir užtekstinės erdvės, o autoriaus vardas faktiškai yra parašas.

Autobiografinis aktas – antroji autobiografinio teksto savybė, kurią nurodo Lejeune'as. Autobiografinio akto analizės technika šiame tyrime aiškėja per naratologinį Genette'o metodą. Nagrinėdamas autoriaus problemą – taip pat ir autobiografiniuose tekstuose – Genette'as siūlo kalbėti ne apie pasakojimo autorių (literatūrinę instanciją), bet apie pasakotojo figūrą (*narrateur*), keldamas santykio tarp pasakotojo ir jo pasakojamos istorijos bei paties pasakotojo konstravimo būdų klausimą.

Pasakojime išskiriami trys lygmenys: istorijos lygmuo, diegetinis (pasakojimo) lygmuo ir diskursyvinis (naracijos) lygmuo. Naracijoje savo ruožtu irgi aptinkami keli lygmenys, kuriuos Genette'as siūlo vadinti ekstra-, intra- ir metadiegetiniais. Naracijos lygmenų kiekis priklauso nuo pasakotojų skaičiaus. Ekstradiegetinis lygmuo – tai atspirties taškas, kur nustatomas laikas, kurio atžvilgiu skaičiuojami pasakojimo laiko poslinkiai. Laiko atžvilgiu ekstradiegetinis pasakojimo lygmuo yra *ribinis* – į tai ir nurodo jo pavadinime esantis priešdėlis *ekstra-*.

Autobiografiniai tekstai ypatingi tuo, kad juose pasakojimo herojus taip pat yra pasakotojas. Tačiau atsiranda laiko dualizmo problema: pasakojimo laikas nesutampa su naracijos laiku. Genette'as pastebi, kad dienoraščiuose ir laiškuose „pasakotojas yra dar herojus ir jau kažkas kitas“. Ir tas „kažkas kitas“ – dabarties momento pasakotojas, rašantysis, *pasirašantis* tekstą. Parašas (kaip ir kreipinys, data, adresas laiškų atveju) ne tik erdviškai yra teksto paribys, arba paratekstas, bet ir žymi ribinį ekstradiegetinį pasakojimo lygmenį su ekstradiegetiniu pasakotoju.

Ekstradiegetinis pasakotojas – tai pasakotojas *hic et nunc*, t. y. su juo susijęs teksto įforminimas, jo struktūros bei rašymo akto refleksija, taip pat aiškinimai, kodėl parenkami konkretūs žodžiai. Ekstradiegetiniam pasakojimo lygmeniui priklauso visi performatyvieji posakiai, nes jie yra veiksmo ekvivalentai, poelgiai, sutampantys su rašymo aktu.

Pirmajame skyriuje – „Literatūrinė virtuvė: moterims adresuotų laiškų naratyvinės struktūros ypatumai“ – analizuojami Cvetajevos laiškai, adresuoti S. Andronikovai-Galpern, A. Berg, V. Buninai, N. Gaidukevič, O. Kolbasinai-Černovai, R. Lomonosovai, A. Teskovai.

Prielaida susimąstyti apie galimus skirtumus tarp laiškų blokų, skiriamų pagal adresatų lytį, tapo egzistuojanti literatūros žanro „laiškų romanas“ tradicija. Susirašinėjimas tarp moterų neturi tokių literatūrinių ir elgesio modelių. Pati „moteriškosios“ epistolikos publikavimo istorija nėra tokia sena ir gausi kaip moterų–vyrų, kur gali užsimegzti meilės santykiai, realizuotis laiškų romano siužetas.

Cvetajevos laiškų moterims analizė parodė, kad šioje jos epistolikos dalyje literatūriškumas būdingas tokiems ekstradiegetinio pasakojimo lygmens elementams kaip kreipinys, atsisveikinimas, padėka ir rašymo akto refleksija.

Kreipiniai linksta prie pastovių formulių, ir čia literatūriškumo požymis yra kreipinio „mieloji [vardas (tėvavardis)]“ vartojimas vietoj plačiai vartojamos konstrukcijos „brangioji [vardas (tėvavardis)]“. Kreipinio „mieloji“ pasirinkimas Buninos atveju sietinas su tuo, jog šie laiškai funkcionuoja kaip Cvetajevos esė „Senojo Pimeno namas“ paratekstas, t. y. egzistuoja tiesioginis ryšys su grožine kūryba, tuo tarpu Andronikovos-Galpern atveju ji nulemia adresatės vardas Salomėja, t. y. aliteracijos galimybė.

Laiškai moterims kupini prašymų ir padėkų už pagalbą. Padėkos žodžiai linke tapti formulėmis, kurios kartojasi iš laiško į laišką. Retkarčiais padėkos formulės atsisakoma ir padėka įgauna literatūriškumo bruožų, naudojant tas pačias priemones, kurios būdingos Cvetajevos grožinių tekstų poetikai, būtent – isichastų „protingos maldos“ techniką ir Dievo vardo kaip Paties Dievo šlovinimo praktiką, kai tylėjimas, sakralinio žodžio netarimas įgauna ypatingos vertės. Be to, literatūrinis režimas įjungiamas ir reflektuojant patį laiško rašymo aktą.

Skirtingai nuo kitos Cvetajevos korespondencijos, laiškuose moterims atsisveikinimas yra nuolatinis struktūrinis elementas. Apie atsisveikinimo formulės parinkimo neatsitiktinumą byloja įprastinės atsisveikinimo formulės laiškuose moterims „bučiuoju“ pakeitimas į „apkabinu“. Šis pasikeitimas susijęs su įvykiais literatūros lauke: autorė moteris (Sigrid Unset) gavo Nobelio premiją. Tai paskatina Cvetajevą perskaityti premijuotą tekstą, jis įtraukiamas į tekstų rinkinį, sudarantį Cvetajevos literatūrinę erdvę, kur jau egzistuoja moterys rašytojos, tačiau iki tol jos nepremijuotos, užimančios marginalines pozicijas literatūros lauke. Moters atsiradimas literatūros Olimpe tampa Cvetajevos korespondenčių „bilietu“ į literatūrą, kuri rašytojos suvokiama kaip vidinė erdvė, – atitinkamai atsisveikinimo forma pasikeičia į „apkabinu“, nes žodis „apkabinu“ turi tūrio semą. Pažymėtina, kad į Cvetajevos vidinę

literatūros erdvę moterys adresatės patenka ne kaip premijuoto ir rašytojai aktualaus teksto personažės, bet kaip bendraautorės.

Antrajame disertacijos skyriuje „Literatūriniai pastoliai: vyrams adresuotų meilės laiškų naratyvinės struktūros ypatumai“ nagrinėjama toji Cvetajevos epistolikos dalis, kurią galima pavadinti laiškų romanu (ar romanais). Tai laiškai, adresuoti A. Bachrachui, N. Gronskiui, K. Rodzevičiui, A. Šteigeriui, A. Vyšniakui (Helikonui).

Epistoliniai Cvetajevos romanai, aptariami šiame skyriuje, vyksta tarp 1922 ir 1936 metų. Laiko atkarpa tarp romano su Vyšniaku ir Bachrachu nežymi (vieni metai), o laiškai Bahrachui „virsta“ laiškais Rodzevičiui, tuo tarpu romanai su Gronsiu įvyksta po penkerių metų pertraukos epistoliniuose santykiuose, su Šteigeriu – po aštuonerių. Nepaisant laiko skirtumų, visi epistoliniai romanai turi bendrą bruožą, sietinų su literatūrine meilės korespondencijos tradicija.

Bendras kreipinys visuose Cvetajevos meilės laiškuose yra „[mano, mielas, brangus] drauge“, „drauguži“ (*družoček*). Kreipinys „drauge“ yra meilės laiškų klišė, pradedant nuo kurtuazinės kultūros, kur formuojasi europinė epistolinių meilės santykių tradicija, iki Cvetajevos laikmečio asmeninių laiškų. Cvetajevos atveju kreipinys „drauge“ tampa literatūriškumo požymiu ir nurodo į įvairių epochų tekstus, interpretuojančius meilės santykių *kurtuazinį modelį*. Rašytojai yra aktualūs tekstai, transformuojantys kurtuazinę koncepciją *amor de lonh*: Gabrielio de Guilleragues'o „Portugališki laiškai“, Julie de Lespinasse laiškai grafui Guibert'ui, Bettina'os von Arnim „Goethe's susirašinėjimas su vaiku“. Šiuos tekstus jungia kreipimasis į mylimąjį „drauge“ bei juose išreikšta meilė be atsako, kuri verčia kentėti, tačiau sykiu tos kančios teikia džiaugsmą.

Meilės neįmanomumą „garantuoja“ ir meilės santykių *trikampis*, kuris kurtuazinėje kultūroje susideda iš Damos, jos Vyro ir Damą įsimylėjusio Riterio. Ši schema „patogi“ tuo, kad atitinka biografines Cvetajevos aplinkybes: ištekėjusi Dama keičiasi meilės laiškais su Riteriu (Bachrachu, Gronski, Rodzevičiumi, Šteigeriu, Vyšniaku). Vyras (Efronas) yra pasyvus šių santykių dalyvis, laiškuose jis tik paminimas (Bachrachas, Šteigeris) arba tampa bendros Damos ir Riterio globos objektu (Gronskis, Rodzevičius).

Laiškuose Rodzevičiui konstruojamas meilės trikampis patikslinamas kreipinio „Arlekine“, kuris nurodo į trišalių *commedia dell'arte* santykių situaciją, ir tada vaidmenys laiškuose pasiskirsto šitaip: Arlekinas (Rodzevičius), Pjeretė (Cvetajeva), Pjero (Efronas).

Susirašinėjime su Gronski meilės trikampis patikslinamas per pačios Cvetajevos tekstą. Kreipinys „Kóliuška“ nurodo į Cvetajevos poemos-pasakos „Mólodec“ herojų Mólodecą.

Poemos siūlomas meilės trikampis Marusia–Mólodec–Ponas tampa Cvetajevos–Gronskio–Efrono santykių modeliu.

Dar kitoks trišalių santykių variantas iškyla laiškuose Bachrachui, bet šis trikampis iš esmės skiriasi nuo kurtuazinės kultūros modelių, *commedia dell'arte* bei Cvetajevos poemos. Draugiški „postmeilės“ santykiai Bachrachui siūlomi per 1910-ųjų metų laikraščių kronikų personažus: Mariją Tarnovską, Donatą Prilukovą ir daugelį vyrų, figūravusių Tarnovskos byloje. Šiame trikampyje pagrindinė figūra – Prilukovas, kuris turėtų Bachrachui tapti ištikimo draugo pavyzdžiu. Tačiau kadangi šiame modelyje nėra kam užimti likusių dviejų pozicijų, trišaliai draugiški santykiai nesivysto.

Kurtuazinis meilės santykių modelis į Cvetajevos laiškus įvedamas per *preciozinę literatūrą* (Madeleine'os de Scudéry „Klelija“), kuri naudoja „švelnios draugystės“ sampratą ir pasiūlo meilės-draugystės topografiją „Švelnumo šalies žemėlapis“ pavidalu. Šią meilės koncepciją palaiko kreipiniai „mano švelnūs“, o „Švelnumo šalies žemėlapis“ tiesiogiai minimas laiške Gronskiu.

Kreipinys „švelnūs“ (*nežnyj*) pagal „poetinės sekos tankio“ principą prijungiamas prie apeliatyvo drauguži (*družoček*), kuris, anot Cvetajevos, kilęs iš žodžio „gyventi“ (*žyt'*), o jos epistoliniai romanai – tai būdas pilnai „įsikūnyti“ į gyvenimą.

Ši užgyvenimo per meilę idėja į Cvetajevos laiškus įveda *undinės mitą*, kurio žinomiausi variantai Friedricho de la Motto Fouqué „Undina“ ir Hanso Christiano Anderseno „Undinėlė“. Iš šių dviejų chrestomatinių kūrinių Cvetajevai svarbesnė Fouqué pasaka, kuri imituoja kurtuazinės epochos riterių romaną.

Undinės mite įsikūnijimas į gyvenimą per mylimąjį siejasi su sielos ir nemirtingumo įgijimu. Cvetajevos atveju mylimojo atsiradimas skatina teksto parašymą (ne tik laiško, bet ir eilių), o tai garantuoja jai „literatūrinį“ nemirtingumą.

Epistolinių Cvetajevos romanų adresatai konstruojami ne tik kaip mylimieji, bet ir „įvaikinami“ – atitinkamai vartojamas kreipinys „vaikė“, „vaikeli“, „sūneli“. Adresato įvaikinimui prireikia literatūrinio precedento, „legalizuojančio“ tokį meilės santykių modelį. Bachracho ir Gronskio atveju parenkamas Fedros ir Hipolito siužetas, Šteigerio – *Kasparo Hausero* istorija, pasakojama Jakobo Wassermanno romane bei biografiniame Octave'o Aubry tyri(nėji)me.

Kreipinio „vaikė“ laiškuose Rodzevičiui nėra. Jam adresuoti laišškai kupini literatūriškai žymėtų kreipinių, kurie koduoja Rodzevičiaus kaip literatūros personažo figūrą ir išduoda jam „bilieta“ į literatūrą, aplenkiant epistolines Cvetajevos iščias. Ši tekstinė strategija gali būti aiškinama tuo, kad Rodzevičius – vienintelis nepoetas tarp epistolinių Cvetajevos mylimųjų,

todėl jis negali būti įvaikintas ir jam reikia kitokio pobūdžio motyvo patekti į literatūrą. Tokiu motyvu tampa literatūrinio personažo vardas.

Rašymo aktas epistoliniuose Cvetajevos romanuose pateikiamas kaip pasakojimas ir klausymasis. Teksto orientacija į garsą artikuliuojama, pertekama grafiškai (žodžiai pabraukiami, rašomi kursyvu, uždedami kirčiai) ir per fonetinį žodžių formų žaisimą. Cvetajeva tikslina korespondentų bendravimo aplinkybes: aprašo „pokalbio“ dalyvių vieta/padėtį, kitaip tariant, konstruoja *mizansceną*.

Cvetajevos prašymai šiuose laiškuose tampa instrukcijomis, kreipiančiomis skaitymą, kuris yra suvokiamas kaip skaitymas balsu. Adresantė prisiima *režisierės funkciją*, nurodydama adresatui, kaip jis turėtų tarti tekstą. Prie tokių režisierės pastabų galima priskirti ir grafinį teksto įforminimą, nustatantį intonaciją ir žymintį pauzes.

Padėkos nėra būdingos Cvetajevos meilės laiškam – net priešingai: Šteigerio išsakyta padėka jūdvių santykius sugriauna. Dėkojimas svarbus tik laiškuose Bachrachui, kur tampa savotiška apeiga, ritualu, iš kurių yra kilęs *teatrinis pasirodymas*.

Trečiajame disertacijos skyriuje – „Literatūros užkulisiai: dalykinių laiškų naratyvinės struktūros ypatumai“ – analizuojami laiškai, adresuoti leidėjams ir redaktoriams V. Bulgakovui, R. Guliui, G. Fedotovui, J. Ivaskui, V. Rudnevui, P. Sosinskiui, P. Suvčinskiui, D. Šachovskui.

Iš pirmojo ir antrojo skyrių matyti, kad Cvetajeva įveda vyriškumo/moteriškumo požymį, kuris gali būti daugiau ar mažiau būdingas adresatui. Epistoliniai mylimieji yra absoliučiai vyriški. Nevyriskų vyrų, arba nemoterų (jei naudosome pačios Cvetajevos apibrėžimą – nedamų), vaidmuo rašytojos epistolikoje atitenka visiems tiems vyrams, su kuriais jos nesieja meilės korespondencija. Tokiomis nedamomis tampa jos leidėjai, redaktoriai, literatūriniai patikėtiniai.

Laiškuose nedamoms kalbama apie korektūras ir literatūrinį darbą, ir ši korespondencija įgauna literatūriškumo bruožų per paratekstinę funkciją – ji lydi Cvetajevos grožinius kūrinius kaip autorinis epitekstas. Laiškai literatūros lauko „tarpininkams“ orientuojami į metaliteratūrinę recenzijos žanrą, bet juose aptinkama ir epistolinių romanų užuomazgų. Ši potencialių meilės santykių perspektyva pastebima kreipinių lygmenyje. Susirašinėjimą su redaktoriais ir leidėjais Cvetajeva dažniausiai pradeda kreipiniu „mielasis“, kuris yra nuolatinis jos epistolinių romanų apeliatyvas. Vėliau kreipinys „mielasis“ gali būti kaitaliojamas su „brangusis“, bet daugeliu atvejų dominuoja apeliatyvas „mielasis“ arba konkrečių formų skirtumai nėra reikšmingi. Teikiant pirmenybę kreipiniui „mielasis“ laiškuose nedamoms, į šią korespondenciją įvedamas laiškų romano potencialas.

Ketvirtasis disertacijos skyrius – „Literatūros maskaradas: moterims adresuotų meilės laiškų naratyvinės struktūros ypatumai (laiškai išimty)“² – skirtas laiškų išimčių analizei. Tai 1932 m. rugpjūčio 12 d. laiškas, adresuotas S. Andronikovai-Galpern, laiškai N. Gaidukevič (1934 m. kovo 17 d., gegužės 9 d., birželio 1 d. ir birželio 24 d.) bei 1940 m. lapkričio 17 d. laiškas T. Kvaninai.

Tokie laiškai aptinkami tarp susirašinėjimų, analizuojamų pirmajame skyriuje. Jie sugriauna įprastinę Cvetajevos laiškų moterims logiką, kur tekstą sudaro prašymų ir padėkų seka.

Laiškų išimčių analizė parodė, kad epistolinius meilės santykius Cvetajeva konstruoja tiek su vyrais, tiek su moterimis. Bendras epistolinių romanų bruožas – būtinai pervardijami adresatai: jiems suteikiami intertekstiniai vardai, nurodantys į tam tikrus literatūros siužetus. Tačiau vaidmenys, siūlomi mylimiesiems-vyrams ir mylimosioms-moterims, skirtingi: su vyrais aktualus lieka kurtuazinis santykių modelis, meilės trikampio konstravimas, parenkami siužetai, įteisinantys adresato įvaikinimą. Tuo tarpu moterims siūlomas prastos mylimosios vaidmuo, apeliuojantis į Orfėjo ir Euridikės siužetą.

Tyrimo rezultatai

Atliekant tyrimą sukonstruotas analitinis autobiografinio teksto analizės modelis. Jis remiasi naratologiniu požiūriu į tekstą ir yra toks:

1. Iš pradžių aprašomi kiekvienos laiškų grupės „autobiografinio pakto“ ypatumai, siekiant išanalizuoti konkretaus autobiografinio teksto autorinius peritekstus.

2. Kitas žingsnis – autobiografinio akto, t. y. ekstradiegetinio pasakojimo lygmens, kuris fiksuoja pasakotoją, o ne herojų, analizė.

3. Toliau analizuojami ekstradiegetinio pasakojimo lygmens ir autorinių peritekstų santykiai. Autoriniai peritekstai ne tik yra ribinis teksto elementas, bet ir sąveikauja su ekstradiegetiniu pasakojimo lygmeniu;

4. Baigiamasis analizės etapas – (4.1.) nustatoma, į kokius literatūrinius modelius nurodo (jei nurodo) ekstradiegetinis pasakojimo lygmuo; (4.2.) nustatytų literatūrinių modelių aprašymas.

---

² Šiuo atveju „maskaradas“ suprantamas profaniškai – tam tikrų vaidmenų vaidybai apibrėžti, o ne kaip terminas, kylantis iš lyčių studijų (M. Doane, S. Žižek, J. Butler, J. Riviere).

Atliktas tyrimas leidžia aprašyti Cvetajevos epistolikos pasakojimo struktūros ypatumus bei rodo galimus laiškų kaip autobiografinių tekstų literatūriškumo problemos sprendimus. Siūlomas literatūriškumo formų ir priemonių analizės modelis tyrinėja laiškų „etiketo“ elementus, kurie priskiriami ekstradiegetiniam pasakojimo lygmeniui: *pasisveikinimas* (Cvetajevos atveju jis sutampa su kreipiniu), *atsisveikinimas*, *prašymas*, *padėka*. Taip pat analizuojama *autobiografinio akto refleksija*, kuri fiksuoja laiško dabartį ir taip pat yra priskirtina ekstradiegetiniam pasakojimo lygmeniui.

Cvetajevos epistoliką sudaro keturių rūšių korespondencija: *epistoliniai romanai* (meilės laišakai, adresuoti vyrams), *buitinis susirašinėjimas* (laiškai, adresuoti moterims), *dalykinis susirašinėjimas* (laiškai, adresuoti vyrams – redaktoriams, leidėjams ir t. t.) ir *laiškai išimtys*, priartėjantys prie epistolinio romano poetikos (meilės laišakai, adresuoti moterims, su kuriomis vyksta ir buitinis susirašinėjimas).

Visoms susirašinėjimo grupėms aktualūs tokie ekstradiegetinio pasakojimo lygmens elementai kaip kreipinys ir rašymo akto refleksija; atsisveikinimas Cvetajevos epistolikai nėra būdingas ir nuolat aptinkamas tik buitiniame susirašinėjime; prašymų ir padėkų dažniau pasitaiko butinėje ir dalykinėje korespondencijoje, jų mažiau meilės laiškuose. Visos keturios laiškų grupės ne tik sietinos su skirtingais aktualių ekstradiegetinio lygmens elementų rinkiniais, bet ir su skirtingu literatūriškumo laipsniu.

Meilės laiškų adresatai pervardijami – jiems suteikiamas naujas, „literatūriškai užkoduotas“, vardas, ir tokie *kreipiniai* nurodo kelias laiškų *transtekstinio dialogo* kryptis: (1) vokiečių (neo)romantinė literatūra, (2) graikų mitologija, (3) preciozinė literatūra, (4) *commedia dell'arte*, (5) literatūriniai Cvetajevos tekstai, (6) „Portugališki laišakai“ ir Julie de Lespinasse laišakai grafiui Guibert’ui. Minėtąsias kryptis sudaro tekstai, siūlantys nerealizuotų meilės santykių modelį, kuris kildinamas iš *amor de lonh* – meilės koncepcijos, suformuotos viduramžio kurtuazinės kultūros, vėliau perprasmintos ir aktualizuotos XIX a. pabaigoje–XX a. pradžioje (1, 3, 5, 6). Šios koncepcijos atmaina – uždrausta meilė ar meilė be atsako (2, 4).

Visų keturių susirašinėjimo grupių kreipinių analizė parodė, kad apie literatūros registro pajungimą byloja forma „mielasis/mieloji“. Šios dažniausiai vartojamos formos funkcija aiškėja buitinės korespondencijos fone. Forma „mieloji“ daugelyje laiškų pasirodo epizodiškai, o jos nuolatinio naudojimo atvejai remiasi adresatės vardo ir kreipinio konsonansu (laiškai Andronikovai-Galpern) arba siejasi su laiškų kaip Cvetajevos grožinių tekstų paratekstų funkcionavimu (laiškai Buninai tuo metu, kai rašomas „Senojo Pimeno namas“).

Dalykinio susirašinėjimo adresatai nėra pervardijami, tačiau šiuose laiškuose dažnai pasitaikanti forma „mielasis“, kuri Cvetajevos epistolio kontekste yra literatūriškai žymėta. Ji

gali būti interpretuojama kaip epistolinio meilės romano potencialas, kuriam plėtotis nėra sąlygų.

Išskirtoms grupėms taip pat svarbi rašymo akto refleksija: ji epistoliniuose romanuose pasirodo pjesės, kurioje turėtų vaidinti pervardyti adresatai, remarkų pavidalu – konstruojamos mizanscenos, nusakomos pauzės ir intonacijos.

Buitinis susirašinėjimas rašymo akto refleksijos lygmenyje Cvetajevos suvokiamas kaip nevisavertis, tuo tarpu meilės laišakai suvokiami kaip „tikrieji laišakai“. Taip pat buitinėje korespondencijoje rašymo aktas apeliuoja į tylėjimo vertę (tai būdinga grožiniams pačios Cvetajevos kūriniais), o prisitraukiant platesnį kontekstą – isichazmo religinei praktikai.

Dalykinis susirašinėjimas užima tarpinę padėtį tarp epistolinių romanų ir buitinės korespondencijos. Nors kreipinių konstrukcija čia primena epistolinius romanus, rašymo akto refleksija, kurioje išsakomas požiūris tiek į buitinius, tiek į dalykinius laiškus kaip į nevisaverčius, dalykinius laiškus suartina su buitinais. Buitiniam susirašinėjimui priešinami meilės laišakai, o dalykinių laiškų „luošumui“ priešinamas lyrinis straipsnis. Visgi apskritai rašymo akto apmąstymas nėra būdingas šios rūšies korespondencijai.

Visose analizuojamose laiškų grupėse rašymo akto refleksija taip pat susijusi su tam tikro žodžio parinkimo demonstracija ir aiškinimu, apeliuojančiu į garsinę žodžių struktūrą.

Tokių „etiketo“ elementų kaip padėka ir prašymas meilės laiškuose beveik nėra. Jų atsiradimas susijęs su epistolinio romano pabaiga ir meilės santykių transformavimusi į dalykinius. Buitinis susirašinėjimas, atvirkščiai, susideda iš kasdienių prašymų ir padėkų sekos. Keletą kartų padėkos formulės, pasirodančios adresatui įvykdžius prašymą, atsisakoma, prašymams pasilikus buitiniame lygmenyje. Formuluojuant prašymus ir padėkas romantiniame ir buitiniame susirašinėjime, aktualūs lieka tie patys modeliai, kurie galioja šiose laiškų grupėse reflektuojant rašymo aktą: meilės korespondencijoje prašymai tampa laiškų skaitymo instrukcijomis, kurios panašėja į pjesės remarkas, reguliuojančias aktorių vaidybą, o padėkos artėja prie ritualo, susijusio su teatro praktikų ištakomis; savo ruožtu buitiniame susirašinėjime padėka iš kasdienybės išvedama „nutylėjimu“, siejama su isichastų „protinga malda“.

Dalykinio susirašinėjimo prašymai ir padėkos įgauna literatūriškumo bruožų per *intratekstinius santykius*: dalykinis susirašinėjimas lydi literatūrinius Cvetajevos tekstus kaip epitekstai, prašymai ir padėkos čia fiksuoja literatūros tekstų kūrimo ir publikavimo istoriją.

Atsisveikinimas nėra būdingas Cvetajevos epistolikos elementas – jis nuolat aptinkamas tik buitiniame susirašinėjime. Literatūrinis režimas epistoliniuose romanuose įjungiamas per intertekstinius ryšius, o dalykiniam susirašinėjimui aktualus intratekstinis santykis tarp įvairių pačios Cvetajevos tekstų. Tuo tarpu buitinių laiškų literatūriškumui yra svarbi laiško rašymo

laikotarpio literatūros lauko situacija. Atsisveikinimo formulė iš neutralaus registro persijungia į literatūrinį tuo momentu, kai moterys, kurios yra buitinio susirašinėjimo adresatės, įžengia į literatūros panteoną.

Tad visos Cvetajevos laiškų rūšys turi literatūriškumo bruožų, o literatūrinio registro įjungimo būdas priklauso nuo adresato. Adresatas nulemia, kokio pobūdžio santykis su literatūros erdve bei literatūros lauku bus aktualizuotas. Cvetajevos epistolika literatūriškumo bruožų įgauna per (1) laiškų dialogą su įvairių epochų literatūros tekstais, (2) santykį su pačios Cvetajevos grožiniais tekstais, (3) nuorodas į užtekstinius literatūrinės bendruomenės įvykius ir hierarchines kovas literatūros lauke, (4) vartojamų žodžių poetinės funkcijos išryškinimą. Taip meilės laiškuose „įkūnijami“ literatūriniai siužetai, dalykinis susirašinėjimas prijungiamas prie Cvetajevos literatūrinės kūrybos kaip jos paratekstas, o buitiniam susirašinėjimui svarbūs moters rašytojos institucinio statuso pokyčiai. Nereguliarus žaismas jungiamų žodžių sąskambiais būdingas visoms laiškų grupėms.

DISERTACIJOJE GINAMI TEIGINIAI PLĖTOTI ŠIOSE PUBLIKACIJOSE:

1. „Театральное пространство в «Повести о Сонечке» М. И. Цветаевой“ [Teatro erdvė M. Cvetajevos „Apysakoje apie Sonečką“], in: *Žmogus kalbos erdvėje*, Kaunas: Vilniaus universiteto Kauno humanitarinis fakultetas, 2003 №3(1) [CD], p. 520–531.
2. „‘Fedros ir Hipolito’ motyvas M. Cvetajevos laiškuose A. Bachrachui“ in: *Literatūra*, 46(3), Vilnius: Vilniaus universiteto leidykla, 2004, p. 133–137 [MLA].
3. „Элементы театрального кода у М. И. Цветаевой и театр А. Арто“ [Teatro kodo elementai M. Cvetajevos laiškuose ir A. Artaud teatras], in: *Стихия и разум в жизни и творчестве Марины Цветаевой*. XII Международная научно-тематическая конференция (9–11 октября 2004 года), сборник докладов, Москва: Дом-музей Марины Цветаевой, 2005, p. 330–334.
4. „Автобио-реконструктивная маска в письмах М. И. Цветаевой“ [Autobio-rekonstruktyvi kaukė M. Cvetajevos laiškuose], in: *Literatūra. Rusistica Vilnensis* 47(2), Vilnius: Vilniaus universiteto leidykla, 2005, p. 105–112 [MLA].
5. „Элементы театрального кода в письмах М.И. Цветаевой к Е.Л.Ланну“ [Teatro kodo elementai M. Cvetajevos laiškuose J. Lanui], in: *Literatūra. Rusistica Vilnensis: Opus#1–2. Русский мемуар. Соавторство*, Vilnius: Vilniaus universiteto leidykla, 2005, p. 127–135 [MLA].

6. „Особенности авто/биографического текста Марины Цветаевой: письма к Борису Пастернаку 1924 года“ [M. Svetajevos auto/biografinio teksto upatumai: 1924 metų laišakai B. Pasternakui], in: *Русская поэзия: 1923–1924*, Daugavpils: Saule, 2008, p. 232–242.
7. „Auto/biografinių tekstų skaitytoja/s: Marinos Svetajevos atvejis“, in: *Oikos* Nr. 2, Kaunas: Lietuvių išeivijos institutas, 2008, p. 169–176 [EBSCO].

GENERAL DESCRIPTION OF THE DISSERTATION

Like autobiographies, memoirs, diaries and notebooks, letters are autobiographical texts which problematize, in one way or another, the relationship between “poetry” and “truth”, i.e. fact and fiction, an issue that is examined by means of the literary conventions available to a given culture. This dissertation explores the issue of forms of literariness in autobiographical texts as based on Marina Tsvetajeva’s epistolary legacy. The corpus of correspondence includes larger blocks of writings, consisting of Tsvetajeva’s letters to Natalia Gaidukevitch, Salome Andronikova-Galpern, Aleksandre Bachrach, Ariadne Berg, Vera Bunin, Valentin Bulgakov, Abraham Vishniak (Gelikon), Nikolaj Gronsij, Roman Gul, Olga Kolbasina-Tchernova, Raisa Lomonosova, Konstantin Rodzevitch, Vadim Rudniov, Vladimir Sosinskij, Peter Suvtchinskij, Anna Teskova, Georgij Fedotov, Dmitrij Shachovsk, and Anatolij Shteiger. The corpus under analysis excludes the tripartite correspondence between Tsvetajeva, Boris Pasternak and Rainer Maria Rilke, which holds a special place within the context of Tsvetajeva’s epistles. This correspondence is purposefully constructed as a triolog and thus anticipates certain narrative strategies. The present dissertation limits its research scope to the analysis of traditional epistolary forms and focuses first and foremost on Tsvetajeva’s letters, leaving her correspondents’ texts largely aside.

Aims of the dissertation. 1) to suggest an analytical model for the research of autobiographical texts; 2) to investigate the narrative peculiarities of epistolary texts on the basis of the corpus of Tsvetajeva’s letters; 3) to suggest ways in which the issue of literariness may be approached in the texts of this nature.

Methods of analysis. The present research makes use of the Formalist and (post)structuralist approach to texts, by way of centering on the text’s internal structure, its peculiarities and relations between its different elements. This dissertation follows in the steps of the works of Jurij Tynianov, who investigated relations between different genre systems, Roman Jakobson, who explored the relationship between linguistics and poetics and Jurij Lotman, who contributed greatly to the development of the ideas of the Formalist school.

The narratological method applied to the analysis of Tsvetajeva’s epistles has been used as an instrument enabling the scrutiny of the peculiarities of the narrative structures of the autobiographical texts. Of primary significance here is Gérard Genette’s conception of narrative levels, which gives a key to the deciphering of the genre characteristics of the letters.

The central problem this thesis formulates is the attempt to define a method that would provide instruments for the analysis of the literariness of letters. First, an attempt is made to determine which textual levels and elements are characterised by literariness and where the shift to the literary regime takes place. One of the starting points here is Genette's conceptualization and classification of *intertextuality*: in broad terms, intertextuality (or transtextuality) is conceived not only as a text's relation to another text, or a textual part, but also, for example, to genre schemes.

In considering the literariness of epistles, the hierarchy of fictional texts and their authors in a given historical-cultural situation is also of considerable importance. Thus the dissertation makes use of the works of sociologist Pierre Bourdieu, who demonstrates that literature is not a homogeneous space comprised of literary works, but a *literary field*, in other words, a part of the social space, where different agents (authors, their groups, publications etc.) compete with one another for domination. This type of competing activity manifested in the conflict of definitions, is what "produces" literary hierarchies and the field's history.

The **scholarly texts** on the subject comprise several thematic groups as conditioned by the structure of the dissertation. One group consists of monographs and articles which constitute the theoretical and methodological basis of the research. This group includes texts that deal with the issues related to autobiographical texts (J. Butler, E. H. Cook, P. J. Eakin, M. Evans, L. Ginzburg, E. Jelinek, G. Jelizavetina, K. Jensen, L. S. Kauffman, P. Lejeune, J. Levkovitch, L. Marcus, J. Olney, I. Paperno, V. Podoroga, I. Savkina, S. Smith, K. D. Sok, D. C. Stanton, W. M. Todd III, L. Volpert, J. Watson etc.) and texts that suggest diverse methods of textual analysis (J. Apresian, J. Austin, P. Bourdieu, G. Genette, R. Jakobson, J. Lotman, J. Tynianov, etc.). The other group consists of works concerned with the research of Tsvetajeva's poetics (S. Akhmadejeva, K. Azadovskij, T. Gevorkian, O. Hasty, S. Jelnickaja, M. Liapon, N. Osipova, O. Revzina, A. Smith, I. Shevelenko, R. Vojtechovitch, L. Zubova, K. Zhogina, etc.).

The **innovativeness of the dissertation** stems from three circumstances: 1) Firstly, the object of research (Tsvetajeva's epistolary corpus) has not yet been extensively researched; 2) Secondly, the theoretical concepts suggested by the researchers of autobiographical texts and specified through the narratological approach have never before been applied to the analysis of a whole epistolary corpus of a single author; 3) Thirdly, the model suggested for the analysis of literariness in letters may also be applied to the analysis of other types of autobiographical texts.

This dissertation has an applied value because the analytical method employed in examining the narrative structures of Tsvetajeva's letters may be applied in the research of the

epistles of other writers, first of all modernists, who worked in different national traditions. The findings suggested by the current research may also be used in creating courses on the history and theory of autobiographical writing or the literature and culture of the period between the 1920s and 1930s.

The dissertation advances the following theses for defense:

1. The narrative structure of letters is composed of two narrative levels: the narrative which presents the events (diegetic level) and the narrative act itself (extradiegetic level), which presents the narrator as “the quill” that writes. The extradiegetic level corresponds, to an extent, to the peritext attributed to the author of the autobiographical text.
2. Tsvetajeva’s epistles are made up of four types of correspondence: household correspondence (letters to women), business correspondence (letters to publishers), love letters (letters to epistolary male lovers), and letters-exceptions, which come close to being love letters, but are addressed to women.
3. All types of correspondence are characterised by literariness, but the nature of the literary register depends on the gender of the addressee.
4. Tsvetajeva’s epistles gain literariness from:
  - 4.1. the dialog her letters develop with the literary texts from various epochs;
  - 4.2. the relationship her letters establish with Tsvetajeva’s own literary texts;
  - 4.3. references to the events in the extratextual literary community and the hierarchical battles in the literary field;
  - 4.4. a particular approach to words, which is characteristic to literary texts (alliterations, assonances, etc.)
5. The analysis of Tsvetajeva’s epistolary legacy offers a model, which can be potentially applied to the analysis of other case studies.

The findings of the research were made public at the conferences:

1. 2006.11.24-25. International science conference “Русская поэзия: год 1924”, Daugavpils University, Faculty of Humanities. Paper “Особенности авто/биографического текста Марины Цветаевой: письма к Борису Пастернаку 1924 года”.
2. 2007.11.16. Science conference “Lietuvė moteris emigracijoje”, Vytautas Magnus University, Lithuanian Emigration Institute. Paper “Autobiografinio teksto skaitymas: Marinos Cvetajevos atvejis”.

3. 2008.03.14-15. International science conference “Women’s Writing. Mapping Experience”, University of Tampere universitete (Finland). Paper “Фигура повествователя в письмах М. Цветаевой К. Родзевичу“.
4. 2008.04.24. Young scientists’ conference “Naujausi humanitariniai tyrinėjimai – 2008”, Vilnius University, Philology Faculty. Paper “Pasakotojas Marinos Cvetajevos laiškuose Konstantinui Rodzevičiui”.
5. 2008.05.4-5. International science conference “Русская поэзия: год 1925”, Daugavpils University, Faculty of Humanities. Paper “Герой труда Марина Цветаева”.
6. 2009.04.10-11. International science conference “Феномен заглавия. Финальный комплекс текста”, Russian State University for the Humanities (Moscow) Paper “Повествователь на пороге текста (письма Марины Цветаевой)”.
7. 2009.09.24. Young scientists’ conference „Doktorantų agora: metodologiniai mainai“, Institute of Lithuanian Literature and Folklore. Paper “Auto-bio-grafija: autobiografinio žanro tyrimo problema”.
8. 2010.04.23. International science conference “Литература и документы: теоретическое осмысление темы”, А.М.Gorky Institute of World Literature, RAS (Moscow) Paper “Литературные приметы частной переписки (случай Марины Цветаевой)”.
9. 2010.03.18-19. Science conference “Moterų rašymas: tradicija, interpretacijos, vizijos”, Institute of Lithuanian Literature and Folklore. Paper “Mielasis drauge...‘ Marinos Cvetajevos laišakai Natalijai Gaidukevič”.

The main defense theses have been presented in the seminar “The Meaning of Writing and Reading Letters” at the Gender Studies Centre, Vilnius University, April 14, 2009. The theses of this dissertation were discussed and approved of at the Department of Russian Philology, Faculty of Philology, Vilnius University, December 12, 2010.

The structure of the dissertation. The work consists of the Introduction, four parts: *The Kitchen Of Literature: The Narrative Peculiarities of The Letters Addressed to Women*, *The Scaffold of Literature: The Narrative Peculiarities of The Letters Addressed to Men*, *The Backstage of Literature: The Narrative Peculiarities of Work-Related Letters*, *The Masquerade*¹

---

¹ The word “masquerade” is used here not as a term employed in gender studies, but as a notion that describes a profane performance of certain roles.

of Literature: The Narrative Peculiarities of The Love Letters Addressed to Women (Letters-Exceptions), Conclusions and the List of References.

The **internal structure of the Chapters** is based on the following scheme: the analysis begins with the peculiarities of forms of address, farewells, requests and thanks and proceeds to the characteristics of the writing act in a specific group of texts. Not all chapters deal with all the five elements, but this is conditioned by the internal composition of the letters themselves, which is discussed in a separate chapter.

THE CONTENTS OF THE DISSERTATION

The Theoretical Context of the Research

Autobiographical texts have a special place in literary research; they are usually located on the margin of fiction. In his works of the 1920s (*The Literary Fact*, (1924), *On Literary Evolution*, (1927)), Russian Formalist Jurij Tynianov introduces the concepts of the literary fact and literary humdrum. The literary humdrum is conceived of as a literary periphery, which supplies literary facts (phenomena that occupy the centre of literature at a certain time, become part of the canon). Tynianov explains the concepts of literary fact and literary humdrum by giving examples of the relations between 18th-century documentary² narratives and genres of fictions.

Tynianov emphasizes that “from the point of view of how art functions, literary humdrum is something other than art, but in terms of their forms, these phenomena are contiguous”, i.e. they are qualitatively alike. While Tynianov was researching the issues of literary history, Roman Jakobson was studying the notion of literature itself. He suggested we talk about *literariness* rather than literature: it is that particular trait the text has that allows it to be included into the corpus of literary texts. This common trait, literariness, which unites various texts, is mustered in the centre and fades in the periphery.

In distinguishing between centre and periphery in literature, Tynianov adds a spatial dimension to the definition of literature and thus “imposes” on us the notion of literary space, which has a methodological bias of its own. For the tradition of literary scholarship, spatial categories are especially significant in explaining the text’s meanings. This dissertation makes use of the term to expound that which we call “literature”. As Antoine Compagnon observes in commenting on the quest for the definition of literature from Aristotle to Gérard Genette, the

---

² This dissertation follows the Western tradition in using the term “autobiographical texts”, which corresponds to the notion of “autodocumentary” as used in the Russian tradition of scholarship that deals with autobiographical texts. Alongside the notion of “autodocumentary” the Russian tradition also employs the terms “autoreferential texts” and “egodocument”.

question of what is literature has no answer. Genette suggests that we distinguish between the constitutive (formal canon) and conditional (historical factors) literariness, whereby depending on the changing circumstances of reading the nature of what we consider to be “literature” also changes. This idea partakes of Tynianov’s approach in his works on literary evolution and centre/periphery. This dissertation considers literature to be all texts to which at some point has been applied the dynamic notion of literature. Literary space, on the other hand, is seen as the totality of plots, characters, poetics, literary schools, instances, etc. In explaining the nature of the mythopoetic space, Vladimir Toporov demonstrates that the use of the notion of space is linked to the relationship between certain points and the establishing of the distances between them. Pierre Bourdieu specifies the literary space in his theory of the literary field, where what is significant is not the text itself, but the hierarchy of texts, authors and literary schools, in other words, the issue of positions behind and their relations.

Compagnon defines literariness not as the presence or absence of something, the principle of ‘all or nothing’, but the principle of “more or less”. On the basis of the definitions of literature and literary space, this dissertation understands literariness as 1) transtextual relations between letters; 2) the relation between epistolary strategies and the events of the literary field; 3) the poetical logic of word-connecting (alliterations, assonances);

Because literariness is not only a textual trait, which may be more or less distinct, may be well-expressed or potential, but is also the way the text functions, sometimes it is more accurate to talk about the literary mode/register/regime of textual functioning.

The complexity of the research of autobiographical texts springs from the very term we use: *autos* – self, *bios* – life, *graphein* – to write. *Autos* introduces the issue of subject/object, identity, and memory; *bios* – the issue of reference, documentariness and experience; *graphein* problematizes the textual expression of *autos* and *bios* and raises the problem of literariness.

At the roots of modern studies of autobiographies we find a collection of essays edited by James Olney titled *Autobiography: Essays Theoretical and Critical* (1980) and *Women’s Autobiography: Essays in Criticism*, a collection of essays edited by Estelle Jelinek. While Olney’s collection comments on the works that show the shift in autobiographical research from *bios* as a chain of historical facts to *auto* and *graphein*, Jelinek’s study opens up new resources – women’s autobiographies – to autobiographical research and brings in a new, that is, gender perspective into this scholarly realm.

With time the corpus of autobiographical texts is replenished by new material, such as performances, comic books, and theatrical productions, all of which broaden our field of research and modify the perspective of reading and analysis. However, all the different

viewpoints and approaches towards autobiographical research converge in the work of Philip Lejeune.

Lejeune's work on autobiographical texts dates back to the 1960s. He expanded on the traditional definition of autobiography as "a retrospective prose narrative written by a historical figure and focusing on the author's lifestory, especially his/her coming of age." Lejeune introduces the concepts of *autobiographical pact* and *autobiographical act*. He concentrates on the author's name, which is usually placed on the book cover, either above or below the book's title, on the title page. The book's genre (autobiography, biography, memoirs, etc.) is indicated here as well. Lejeune considers this first page with the author's "signature" to be a document, an autobiographical pact or contract, which may be mystified, in juridical terms, falsified, but the signee here takes responsibility.

Before the autobiographical pact is signed, the autobiographical act has to take place, i.e. the text has to be written. Lejeune distinguishes between the past as the events reconstructed in the autobiographical narrative and the very process of reconstructing the past in the present, the autobiographical act. In Lejeune's view, the researchers of *littérature intime* should concentrate on the autobiographical act itself. This dissertation makes use of Lejeune's ideas, but specifies them by means of Genette's methodological apparatus as developed in the works *Narrative Discourse* (1972) and *Paratexts: thresholds of interpretation* (1987).

For Lejeune, autobiographical texts are in a significant relation with their immediate textual environment. Genette calls these relations paratextual relations. The text's relation to its boundary elements, which are still part of the text's body (the author's name, epigraph, dedication, introduction, etc.) is called a *peritext*, while the text's relation to its surrounding texts which are not part of the text's body as such (interviews, letter, diaries, etc.) is called an *epitext*. Genette also distinguishes between the author's and the publisher's paratexts. The authorial peritext is that element of the autobiographical text which Lejeune calls the autobiographical pact.

In the epistolary communication, paratexts (peritexts) are the names of the addresser and the addressee, the address and date. They exist on the boundary of the text, constituting a threshold between textual space and beyond, whereby the author's name is virtually a signature.

The autobiographical act is another property of the autobiographical text Lejeune points out. The analytical approach to the autobiographical act in this research becomes clearer when looked at through Genette's theory of narratology. In commenting on the issue of the author in the autobiographical text as in any other, Genette suggests that rather than talking about the story's author (literary instance), we talk about the figure of the narrator (narrateur), the

relationship between the narrator and his/her story, as well as the way in which the figure of the narrator is constructed in the narrative.

The narrative falls into three levels: level of the story, diegetic level (narrative) and level of discourse (narration). Narration, too, consists of several levels, which Genette calls extradiegetic, intradiegetic and metadiegetic. The number of narrative levels consists of the number of narrators. The extradiegetic plane is the starting point defining the time in relation to which all the shifts in narrative time are measured. As regards time, the extradiegetic narrative plane constitutes a boundary, which is suggested already in its prefix “extra”.

Autobiographical texts have a distinct identity because their protagonist is also the narrator. However, this creates the problem of dualism: the time of narration and the narrative time do not coincide. Genette observes that in diaries and letters, “the narrator is the hero and already someone else.” That “someone else” is the narrator of the present, the scribe, who signs the text. The signature, like the form of address, date and mailing address in letters, constitutes not only the text’s margin in spatial terms, a paratext, but also the extradiegetic narrative level with the extradiegetic narrator.

The extradiegetic narrator is the narrator *hic et nunc*, who is responsible for the text’s design, structure and the reflection on the act of writing, i.e. the explanation of why certain words have been chosen. The extradiegetic plane includes all performative enunciations because they are equivalent to actions, acts coinciding with the act of writing.

Findings of the research.

In the course of the research, this dissertation has constructed an analytical model for the examination of autobiographical texts. This model is based on the narratological approach to the text and follows these steps:

- 1) First, the peculiarities of the “autobiographical pact” in each group of letters are described in order to analyze the authorial peritext in each given autobiographical text;
- 2) Second, the analysis of the autobiographical act, the extradiegetic narrative level that locates the narrator rather than the hero, is developed;
- 3) Afterwards, the relations of the extradiegetic level and the authorial peritext are analyzed. The authorial peritext is not only a boundary element, but is also in relation to the extradiegetic narrative level;
- 4) The final stage in the analysis involves (4.1.) determining what literary models the extradiegetic level refers to (if, indeed, it does); (4.2.) interpreting the determined literary models.

The research conducted interprets the peculiarities of the narrative structures of Tsvetajeva's epistles and demonstrates how we may approach the issue of literariness in autobiographical texts. The analytical model in question investigates the narrative elements which are linked to the extradiegetic level: *greetings* (in Tsvetajeva's case, it coincides with the form of address), *farewells*, *requests* and *thanks*. It also analyzes the reflection of the autobiographical act, which captures the present of the letter and is linked to the extradiegetic narrative level as well.

Tsvetajeva's epistolary corpus consists of *epistolary affairs* (love letters addressed to men), *household letters* (letters to women), *business correspondence* (letters to male publishers) and *letters-exceptions* partaking of the poetics of the epistolary affairs (love letters addressed to women, who are also addressees in the household correspondence).

All of these groups of correspondence are concerned with such elements of the extradiegetic narrative level as the form of address and the reflection on the act of writing; farewell is not characteristic to Tsvetajeva's epistles and is recurrent only in her household letters; requests and thanks are more peculiar to her household and business correspondence, rather than love letters. The four groups of letters are not only associated with different ensembles of extradiegetic elements, but also different degrees of literariness.

Love letter addressees are renamed, they are given a new, "literarily coded" name and these forms of address project several directions of *transtextual dialog* with: 1) German Neo/Romantic poetry; 2) Grecian mythology; 3) 17th-century French salon literature (*littérature de la préciosité*); 4) *commedia dell'arte*, 5) Tsvetajeva's literary texts; 6) *The Letters of a Portuguese Nun* and Julie de Lespinasse's letters to count Guilbert. The texts that fall within these categories offer the models of unrealized love which originates from *amor de lonh*, the conception of love formulated by the medieval cultural tradition of *courtoisie* later reconsidered and reinterpreted at the end of the 19th and the beginning of the 20th century (1, 3, 5, 6). A variety of this conception is forbidden love and unrequited love (2, 4).

The analysis of the forms of address in the four groups of letters has demonstrated that the shift into the literary register is indicated by the form "dear". The function of this most recurrent form of address becomes clearer in the context of the household correspondence. Here, the address form "dear" appears only episodically and the cases of its consistent use are based on the consonance between the female addressee's name and the form of address or they are associated with the functioning of the paratext of Tsvetajeva's literary texts.

The addressees in the business correspondence are not renamed, but "dear", as a form of address, which is "literarily marked" in Tsvetajeva's epistolary corpus, may be interpreted as a potential of the love affair through letters which has no conditions to be realized.

These groups of letters are also concerned with the reflection on the act of writing itself, which, in epistolary affairs, performs the function of stage directions not unlike those in a drama, where the renamed addressees would play their roles: *mise-en-scènes* are constructed, pauses and intonations indicated.

With regard to the reflection on the act of writing, Tsvetajeva perceives her household correspondence as inferior to the love letters. In the household correspondence, the act of writing appeals to the value of silence, which is characteristic to Tsvetajeva's own literary works and within a broader context, the religious practice of *isichism*.

The business correspondence lies between the epistolary affairs and the household correspondence. Although the forms of address are reminiscent of the epistolary affairs, the self-reflective act of writing, which comments on the household and business correspondence as inadequate, links the former with the latter. While the household correspondence is juxtaposed to the superiority of the love letters, the feebleness of the business letters is juxtaposed to the lyrical essay. Broadly speaking, though, the reflection on the act of writing is not characteristic to this type of correspondence.

In all the groups of letters under analysis the self-reflection of the writing act is associated with the demonstration and explanation of how the choice of the words is conditioned by their acoustic structure.

Elements like thanks and requests are barely present in the love letters. They appear with the end of the love affair and the transformation of the love relationship into a business one. Conversely, the household correspondence consists of daily requests and a sequence of thanks. In many letters, the thanks formula, which appears after the addressee has fulfilled the request, is abandoned a few times and the requests remain within the household boundaries. The same models that apply to the reflection on the act of writing are relevant to the request and thanks formulas in the romantic and household correspondence: in the love letters, requests turn into instructions of reading, which become reminiscent of stage directions that regulate the actors' performance. The thanks come close to becoming a ritual linked to the roots of the theatrical practices; in the household correspondence, in turn, the thanks are performed through "reticence" associated with the *isichasts'* "wise prayer".

The requests and thanks of the business correspondence gain traits of literariness through *intratextual* relations: the business correspondence follows Tsvetajeva's literary texts as an epitext, requests and thanks here are recording the history of the creation and publication of her literary texts.

Farewell is not characteristic to Tsvetajeva's epistles and consistently appears only in the household correspondence. If the shift to the literary regime in the epistolary affairs takes place through intertextual relations and the business correspondence is more concerned with the intratextual relations among Tsvetajeva's texts, the literariness of the household letters deals with the state of the literary field at the time of the writing of the letter. The farewell formula shifts from the neutral to the literary register at the moment when the women, who are the addressees of the household letters, enter the literary pantheon.

Thus all the categories of Tsvetajeva's letters have literary traits and the shift to the literary register depends on the addressee. The addressee determines what kind of relation to the literary space and the literary field will be actualized. Tsvetajeva's epistles gain literary traits through 1) the letters' dialog with the literary texts of various epochs; 2) their relation to Tsvetajeva's literary texts themselves; 3) references to the extratextual events in the literary community and the hierarchical battles in the literary field; 4) the emphasis on the poetic function of the words used. The love letters "embody" literary plots, the business correspondence is linked to Tsvetajeva's literary writing as its paratext and the household correspondence is concerned with the changes in the institutional status of the female writer. The emphasis on the consonances and assonances of the linking words emerges, though irregularly, in all the groups of letters.

A LIST OF PUBLICATIONS

1. Театральное пространство в «Повести о Сонечке» М. И. Цветаевой, in: *Žmogus kalbos erdvėje*. Kaunas, Vilniaus Universitetas Kauno humanitarinis fakultetas, 2003 №3(1) [CD]. P. 520-531.
2. „Fedros ir Hipolito“ motyvas M. Cvetajevos laiškuose A. Bachrachui“ in: *Literatūra*, 46 (3). Vilnius, Vilniaus universiteto leidykla, 2004. P. 133-137. [MLA].
3. Элементы театрального кода у М. И. Цветаевой и театр А. Арто, in: *Стихия и разум в жизни и творчестве Марины Цветаевой*. XII Международная научно-тематическая конференция (9-11 октября 2004 года). Сборник докладов. Москва, Дом-музей Марины Цветаевой, 2005. P. 330-334.
4. Автобио-реконструктивная маска в письмах М. И. Цветаевой, in: *Literatūra. Rusistica Vilnensis*. 47(2). Vilnius, Vilniaus universiteto leidykla, 2005. P. 105-112. [MLA].

5. Элементы театрального кода в письмах М. И. Цветаевой к Е.Л.Ланну, in: *Literatūra. Rusistica Vilnensis: Opus#1-2. Русский мемуар. Сочетство*. Vilnius, Vilniaus universiteto leidykla, 2005. P.127-135. **[MLA]**.
6. Особенности авто/биографического текста Марины Цветаевой: письма к Борису Пастернаку 1924 года, in: *Русская поэзия: 1923-1924*. Daugavpils, Saule: 2008. P. 232-242.
7. Auto/biografinių tekstų skaitytoja/s: Marinos Cvetajevos atvejis, in: *Oikos* nr. 2. Kaunas, Lietuvių išeivijos institutas, 2008. P. 169-176. **[EBSCO]**.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

При исследовании автобиографических текстов всегда в той или иной форме возникает вопрос о соотношении в них «поэзии и правды», то есть фактов и вымысла, в связи с чем, важными оказываются действующие в данной культуре литературные конвенции. Письма, которые наряду с автобиографией, воспоминаниями (мемуарами), дневниками и записными книжками входят в корпус автобиографических текстов, в силу своей жанровой специфики позволяют взглянуть на эту проблему под особым углом. Данное диссертационное исследование рассматривает **проблему** анализа форм литературности автобиографических текстов, в частности писем, на **материале** эпистолярного наследия Марины Цветаевой. Для анализа выбираются большие блоки переписки, а именно: письма к Саломее Андрониковой-Гальперн, Александру Бахраху, Ариадне Берг, Вере Буниной, Валентину Булгакову, Абраму Вишняку (Геликону), Наталье Гайдукевич, Николаю Гронскому, Роману Гулю, Юрию Иваску, Ольге Колбасиной-Черновой, Раисе Ломоносовой, Константину Родзевичу, Вадиму Рудневу, Владимиру Сосинскому, Петру Сувчинскому, Анне Тесковой, Георгию Федотову, Димитрию Шаховскому, Анатолию Штейгеру.

Из анализа исключается тройственная переписка Марина Цветаева – Борис Пастернак – Райнер Мария Рильке, так как данная переписка занимает особое место в эпистолярии Цветаевой. Эта переписка сразу строится как триалог, что подразумевает особые стратегии письма. А настоящая работа ограничивается анализом «традиционной» формы переписки между двумя эпистолярными собеседниками, причем акцент в анализе ставится на особенностях писем Цветаевой, а ответные письма, как правило, остаются вне поля зрения.

Основные цели данного исследования – (I) предложить аналитическую модель для работы с автобиографическими текстами, (II) выявить особенности структуры повествования эпистолярного текста на примере корпуса писем Марины Цветаевой, (III) продемонстрировать способы решения проблемы литературности в такого типа текстах.

Методы анализа. Для данного исследования важным является *формалистско-(пост)структуралистский* подход к тексту, сосредоточенный на выявлении внутренней структуры текста, ее особенностей и соотношении разных элементов данной структуры. Актуальными для настоящей работы являются исследования Юрия Тынянова, разрабатывающие систему отношений разных форм текста, работы Романа Якобсона,

обсуждающие проблему отношений лингвистики и поэтики, и развитие идей формальной школы Юрием Лотманом.

Основной метод анализа в данном исследовании – *нарратологический*. С его помощью может быть описана специфика структуры повествования автобиографического текста. Основой для нарратологического подхода к тексту в данной работе является концепция уровней повествования, предложенная Жераром Женеттом, являющаяся ключом к жанровой специфике писем.

Проблема, поднимаемая в данном исследовании, – это поиск возможностей подхода к тексту писем как к литературному произведению, или иначе – поиск тех элементов текста, где проявляется литературный режим их функционирования, который в первую очередь связан с диалогом текста писем с собственно литературными/художественными произведениями. И здесь отправной точкой является *интертекстуальное* чтение писем. Понятие интертекстуальности в данном исследовании опирается на работы Женетта, в которых он предлагает рассматривать взаимодействие текста как с фрагментами других текстов, так и с целыми текстами и жанрами.

Также для выявления литературного модуса писем важной является иерархия литературных текстов, авторов и т.д. существующая в тот или иной период времени. И здесь актуален намеченный социологом Пьером Бурдьё подход, при котором литература рассматривается не как однородное пространство, состоящее из ряда литературных текстов, а как литературное поле, часть социального пространства, где агенты (авторы, издания и т.д.) занимают определенные позиции, формируются литературные репутации и выстраиваются иерархии.

Научная литература по теме состоит из нескольких тематических блоков, что обусловлено структурой работы. Один блок – это научные монографии и статьи, обеспечивающие теоретическую и методологическую базу исследования. Данный блок литературы делится на работы, посвященные исследованию проблем собственно автобиографических текстов (Л. Вольперт, Л. Гинзбург, Г. Елизаветина, Е. Левкович, И. Паперно, В. Подорога, И. Савкина, К.Д. Сок, W.M. Todd III, J. Butler, E. H. Cook, P. J. Eakin, M. Evans, E. Jelinek, K. Jensen, L. S. Kauffman, P. Lejeune, L. Marcus, J. Olney, S. Smith, J. Watson, D. C. Stanton и т.д.), и на исследования, предлагающие те или иные методы анализа текста (Ю. Апресян, Ю. Лотман, Ю. Тынянов, Р. Якобсон, Р. Bourdieu, G. Genette, J. Austin, и т.д.). Другой блок – работы, посвященные изучению поэтики Цветаевой (К. Азадовский, С. Ахмадеева, Р. Войтехович, Т. Геворкян, С. Ельницкая, К.

Жоги́на, Л. Зу́бова, М. Ля́пон, Н. Оси́пова, О. Ревзи́на, И. Шевеле́нко, О. Nasty, A. Smith и т.д.).

Новизна данного диссертационного исследования заключается в трех обстоятельствах:

– во-первых, материал исследования (эпистолярный Цветаевой) до сих пор остается малоизученным;

– во-вторых, применение теоретических предпосылок, предложенных исследователями автобиографической литературы и уточненных нарратологическим подходом, впервые осуществляется на примере анализа цельного корпуса текстов;

– в-третьих, в данной работе будет предложена модель анализа приемов литературности в письмах, которая может быть применена и для анализа других типов автобиографических текстов.

Научно-практическая значимость диссертации заключается в том, что разработанный в диссертации метод анализа повествовательной структуры писем Цветаевой может быть применен в исследованиях эпистолярного наследия других авторов, прежде всего модернистов, работающих в разных национальных традициях. Кроме того, результаты данной диссертации могут быть использованы при разработке учебных курсов по истории и теории автобиографического письма, а также курсов, представляющих литературную и культурную ситуацию 1920–1930 гг.

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие **основные положения, выносимые на защиту**:

1. Особенностью повествовательной структуры писем является наличие двух уровней повествования: повествование о событиях – диегетический уровень, и сам акт повествования, фиксирующий повествователя как «пишущее перо», – экстрадиегетический уровень. Частично экстрадиегетический уровень пересекается с авторским перитекстом автобиографического текста;

2. Эпистолярный Цветаевой состоит из четырех типов переписки: бытовая (переписка с женщинами), деловая (переписка с редакторами), любовная (переписка с эпистолярными возлюбленными-мужчинами) и письма-исключения, тяготеющие к поэтике любовных писем (письма, адресованные женщинам);

3. Все типы переписки Цветаевой обладают чертами литературности, а способ подключения литературного регистра зависит от гендерно маркированного адресата.

4. Признаки литературности эпистолярный Цветаевой приобретает через

4.1 диалог писем с литературными текстами авторов разных эпох,

- 4.2. соотношение писем с литературными текстами самой Цветаевой,
- 4.3. отсылку к внетекстовым событиям литературного сообщества и иерархическим битвам внутри литературного поля,
- 4.4. особый подход к слову, который свойственен художественному тексту (аллитерации, ассонансы и т.д.).

5. Анализ литературности писем на примере эпистолярного наследия Марины Цветаевой можно представить в виде модели, потенциально применимой и в других случаях.

Апробация работы проводилась в ходе выступлений на научных конференциях:

1. 24-25.11.2006. Международная научная конференция «Русская поэзия: год 1924», Даугавпилский университет, филологический факультет. Доклад «Особенности авто/биографического текста Марины Цветаевой: письма к Борису Пастернаку 1924 года».
2. 16.11.2007. Научная конференция «Lietuvė moteris emigracijoje» [«Литовские женщины в эмиграции»], университет Витаутаса Великого, Институт литовской эмиграции. Доклад «Autobiografinio teksto skaitymas: Marinos Svetajevo atvejis» [«Чтение автобиографического текста: случай Марины Цветаевой»].
3. 14-15.03.2008. Международная научная конференция «Women's Writing. Mapping Experience» [«Женское письмо: картография опыта»], университет Тампере, филологический факультет. Доклад «Фигура повествователя в письмах М. Цветаевой К. Родзевичу».
4. 24.04.2008. Республиканская докторантская конференция «Naujausi humanitariniai tyrinėjimai – 2008» [«Новейшие гуманитарные исследования – 2008»], Вильнюсский университет, филологический факультет. Доклад «Pasakotojas Marinos Svetajevo laiškuose Konstantinui Rodzevičiui» [«Фигура повествователя в письмах М. Цветаевой К. Родзевичу»].
5. 4-5.12.2008. Международная научная конференция «Русская поэзия: год 1925» Даугавпилский университет, филологический факультет. Доклад «Герой труда Марина Цветаева».
6. 10-11.04.2009. Международная научная конференция «Феномен заглавия. Финальный комплекс текста», Российский государственный гуманитарный университет, филологический факультет (Москва) Доклад «Повествователь на пороге текста (письма Марины Цветаевой)».

7. 24.09.2009. Республиканская докторантская конференция «Doktorantų agora: metodologiniai mainai» [«Докторантская агога: методологический обмен»], Институт литовской литературы и фольклора. Доклад «Auto-bio-grafija: autobiografinio žanro tyrimo problema» [«Авто-био-графия: проблемы исследования жанра»].
8. 23.04.2010. Международная научная конференция «Литература и документы: теоретическое осмысление темы», Институт мировой литературы им. А.М.Горького, РАН (Москва). Доклад «Литературные приметы частной переписки (случай Марины Цветаевой)».
9. 18-19.03.2010. Республиканская научная конференция «Moterų rašymas: tradicija, interpretacijos, vizijos» [«Женское письмо: традиция, интерпретация, видение»], Институт литовской литературы и фольклора. Доклад «'Mielasis drauge...' Marinos Cvetajevovs laišakai Natalijai Gaidukevič». [«'Милый друг...' письма Марины Цветаевой Наталии Гайдукевич»].

Основные тезисы диссертации были представлены на семинаре «Что значит читать и писать письма?» (14.04.2009), Вильнюсский университет, Центр гендерных исследований.

Структура диссертации. Работа состоит из введения, четырех основных частей (*«Литературная кухня: особенности структуры повествования писем, адресованных женщинам»*, *«Литературные подмостки: особенности структуры повествования любовных писем, адресованных мужчинам»*, *«Литературное закулисье: особенности структуры повествования деловых писем, адресованных мужчинам»*, *«Литературный маскарад: особенности структуры повествования любовных писем, адресованных женщинам (письма-исключения)»*), заключения и списка литературы.

Внутренняя структура глав выглядит следующим образом: сначала рассматриваются особенности обращений, прощаний, просьб и благодарностей, а затем анализируется специфика акта письма для данной группы текстов. Не во всех главах рассматриваются все пять обозначенных элементов. Это связано с внутренней организацией корпуса писем, выделенного в отдельную главу.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Теоретический контекст исследования.

Автобиографические тексты в литературе имеют особый статус: их положение определяется как пограничная область художественной литературы. Русский формалист

Юрий Тынянов в работах 1920-х гг. («Литературный факт» (1924), «О литературной эволюции» (1927)) вводит понятие литературного факта и литературного быта. Литературный быт понимается как периферия литературы, из которой пополняется арсенал литературных фактов, тех явлений, которые в тот или иной период находятся в центре литературы, являются канонами. Понятие литературного быта и литературного факта Тынянов объясняет на примере взаимодействия в литературе XVIII в. бытовых (что в терминологии Тынянова синонимично (авто)документальному¹) текстов с собственно художественными жанрами.

Тынянов подчеркивает тот момент, что «Художественный быт» <...> по функциональной роли в нем искусства, нечто отличное от искусства, но по форме явлений они соприкасаются», т.е. обладают схожими качествами. Если Тынянов работал над проблемами истории литературы, то Роман Якобсон проблематизировал само понятие литературы. Как хорошо известно, Якобсон предлагал говорить не о литературе, а о литературности, которая и должна быть предметом теории литературы, это тот особый признак текста, по которому он включается в литературу. Тогда общий признак, общее качество текстов, о котором говорит Тынянов, это *литературность*, которая сконцентрирована в центре и рассеивается к периферии.

Тынянов, выделяя в литературе центр и периферию, вводит в определение литературы пространственный признак и тем самым «навязывает» термин «*пространство литературы*». Термин «пространство» методологически не нейтрален. В традиции литературоведения в пространственных терминах описывается значение текста. В данной работе термин пространство применяется для описания структуры того, что называется «литературой». Как отмечает Антуан Компаньон, подытоживая поиски определения понятия «литература» от Аристотеля до Женетта, вопрос о том, что такое литература, неразрешим. Женетт предлагает говорить о конститутивной (по сущности: формальные каноны, форма) и кондициональной (по обстоятельствам: исторические факторы) литературности, тем самым подчеркивая подвижность понятия «литература», где в зависимости от обстоятельств чтения меняется содержание того, что считается литературой. Эта идея перекликается с разработками Тынянова о литературной эволюции и центре/периферии литературы. В данном исследовании под *литературой* понимается весь набор текстов, который в тот или иной период времени включался в подвижное

---

¹ Данная работа придерживается западной традиции, в ней используется термин «автобиографические тексты», что синонимично термину «автодокументальный», устоявшемуся в русской традиции исследований автобиографической литературы. Наряду с определением «автодокументальный» также используется термин «автореференциальный», «эгодокумент».

понятие литературы. А под *пространством литературы* – совокупность сюжетов, персонажей, поэтик, литературных школ, литературных инстанций и т.п. Рассуждая о мифопоэтическом пространстве, Владимир Топоров указывает на то, что вообще применение идеи пространства связано с определением соотношения тех или иных точек и дистанции между ними. Пространство литературы уточняется теорией литературного поля Бурдьё, где актуальным является не текст как таковой, а иерархия текстов, авторов, литературных школ и т.д., т.е. выявление позиций, которые занимают различные агенты, и соотношение этих позиций.

С понятием литературы связано понятие литературности, которое как обобщает Компаньон, «определяется не наличием или отсутствием чего-либо, по принципу ‘все или ничего’, а по принципу ‘больше или меньше’». Исходя из принимаемого в данной работе определения литературы и пространства литературы, под литературностью будут пониматься (1) транстекстуальные связи писем, где термин «транстекстуальность» восходит к теоретическим разработкам Женетта о диалоге текста с текстами. (2) Литературность будет пониматься и как влияние тех или иных событий поля литературы на стратегии письма. (3) А также в понятие литературности будет входить особо тесное взаимодействие между объединенными в высказывании словами, например, аллитерации, ассонансы.

Поскольку литературность – это качество текста, которое может присутствовать в большей или меньшей степени, быть проявленным или потенциальным, способ бытования текста, то в некоторых случаях имеет смысл говорить не столько о качестве текста, сколько о литературном модусе/режиме/регистре его функционирования.

Сложности в работе с автобиографическими текстами определяются самой дефиницией: *autos* (сам) – *bios* (жизнь) – *graphein* (писать). *Autos* актуализируют проблему субъекта/объекта, идентичности, памяти; *bios* -- проблему референциальности, документальности, опыта; *graphein* -- проблематизирует текстуальное выражение *autos* и *bios*, а также подключает проблему литературности текста.

Точкой отсчета современных исследований автобиографических текстов можно считать опубликованные в 1980 г. сборник «Автобиография: теоретические и критические эссе» (*Autobiography: Essays Theoretical and Critical*) под редакцией Джеймса Олнея и сборник статей «Женская автобиография: критические эссе» (*Women's Autobiography: Essays in Criticism*) под редакцией Эстель Елинек. Если сборник Олней обобщает работы, демонстрирующие сдвиг в автобиографических исследованиях от *bios* как цепочки исторических фактов к *autos* и *graphein*, то Елинек открывает новый материал для

автобиографических исследований – женские автобиографии – и вместе с тем новую – *гендерную* – перспективу размышлений.

Положение писем на «рынке» анализа автотекстов интересно тем, что в определенные периоды форма писем становится ведущей литературной (романной) формой, а авторы романов в письмах нередко настаивают на подлинности переписки и выдают себя за издателей и редакторов этих текстов. Анализу писем как «литературному факту» посвящено большое количество работ (J. Altman, E. Cook, M. Fraanje, L. Kauffman, P. Rosenmeuer и т.д.), при этом письма «литературного быта» остаются на периферии внимания исследователей.

В исследованиях частных писем можно выделить три подхода. Первый подход – биографический. В рамках этого направления письма рассматриваются как источник сведений об авторе, истории создания и публикации произведений.

Второй подход – историко-культурологический. Здесь основные исследования сосредоточены на дружеских письмах пушкинского круга (Л. Вольперт, И. Паперно, Н. Степанов, W. M. Todd III и т.д.).

Другое направление в рамках историко-культурологического подхода рассматривает письма (и соответственно отбирает материал) как творческую лабораторию, максимально приближенную к художественным текстам (К. Д. Сок, R. Hardack и т.д.).

Для третьего подхода фактор включенности автора писем в литературную деятельность не является важным. Здесь объектом анализа становятся женские тексты, и работы в этом направлении входят в рамки гендерных исследований (И. Савкина, N. Armstrong, C. Brant, K. Cherewatuk, K.A Jensen, A.Gilroy, D. Landry, W. M. Verhoeven, U Wiethaus и т.д.).

С течением времени набор автобиографических текстов пополняется новым материалом, например, перформансами, комиксами, театральными постановками, что расширяет поле исследований и меняет перспективу чтения и анализа. Но при этом общим для различных подходов и способов говорить об автобиографических текстах становится имя Филиппа Лежена: «как говорил Лежен» общее место в рассуждениях исследователей.

Проект Лежена по изучению автобиографических текстов разрабатывался в 1970-х гг. Отправная точка проекта – ставшее классическим определение автобиографии как «ретроспективного прозаического текста, написанного реальным лицом и сфокусированного на частной жизни пишущего, особенно на истории становления его

личности». Лежен вводит понятие *автобиографического пакта* и *автобиографического акта*.

Внимание Лежена сосредотачивается на имени автора, которое обычно располагается на обложке, над или под названием книги, на титульном листе. Там же располагается определение жанра книги («автобиография», «биография», «дневники» и т.д.). Эту первую страницу с «подписью» автора Лежен и предлагает считать документом – автобиографическим соглашением (договором, пактом), которое, конечно, может быть мистифицировано, т.е. в юридических терминах, фальсифицировано, но тут «подсуден» подписавшийся.

Автобиографическому договору/пакту предшествует непосредственно сам автобиографический акт, т.е. *написание* текста. Лежен предлагает разделять прошлое как воссозданные в автобиографическом тексте события и сам процесс воссоздания прошлого в настоящем – автобиографический акт. По мнению Лежена, фокус исследования *littérature intime* должен сосредотачиваться именно на автобиографическом акте.

В данном исследовании теоретические разработки Лежена уточняются методологическим аппаратом, который предлагают работы Женетта «Повествовательный дискурс» (*Discours du récit* (1972)) и «Паратекст: пороги интерпретации» (*Seuils* (1987)).

В ситуации автобиографического текста актуальными, как наметил Лежен, являются отношения текста с его ближайшим околотекстовым окружением. Такие отношения Женетт называет *паратекстуальными связями*. Отношение текста с его пограничными элементами, физически принадлежащими тексту (имя автора, эпитафия, посвящение, вступление и т.д.), Женетт называет перитекстом, а отношения текста с его окружением, находящимся вне текста – эпитекстом (письма, интервью, дневники и т.д.). При этом Женетт разделяет авторский и издательский паратекст. Паратекст (авторский перитекст) является тем элементом автобиографического текста, который Лежен называет автобиографическим пактом.

В коммуникативной ситуации, характерной для писем, паратекстом (перитекстом) являются имена отправителя, получателя, адрес и дата написания письма. Они находятся на границе текста, являются порогом между текстовым и внетекстовым пространством, а имя автора фактически является подписью.

Автобиографический акт – вторая особенность автобиографического текста, которую указывает Лежен. Техника анализа автобиографического акта в данном исследовании проясняется через нарратологические разработки Женетта. Рассматривая проблему автора, в том числе в автобиографических текстах, Женетт предлагает говорить

не об авторе повествования (литературной инстанции), а о фигуре повествователя (*narrateur*), о проблеме соотношения повествователя и излагаемой им истории и способах конструирования повествователя в текстах.

В повествовании выделяются три уровня: уровень истории, диегетический уровень (уровень повествования) и дискурсивный уровень (уровень наррации). В наррации в свою очередь также обнаруживается несколько уровней, которые Женетт предлагает называть экстра-, интра- и метадиегетическими. Количество уровней наррации определяется количеством повествователей. Экстрадиегетический уровень – это отправная точка наррации, где определяется время, относительно которого будут отсчитываться все временные сдвиги дальнейшего повествования. Во временном смысле экстрадиегетический уровень повествования является *пограничным*, что фиксирует и его определение как *экстрадиегетического*.

Особенность автобиографических текстов заключается в том, что здесь герой повествования является также и повествователем. Но возникает проблема временного дуализма: время повествования не совпадает со временем наррации. Как отмечает Женетт, в дневниках и письмах «повествователь еще герой и уже кто-то другой». Этот «кто-то другой» – повествователь в данный момент, повествующий (пишущий), *подписывающий* текст. Подпись (как обращение, дата, адрес в случае писем) не только пространственно расположена на границе текста, является *паратекстом* (перитекстом) письма, но также отмечает «пограничный» *экстрадиегетический* уровень повествования с экстрадиегетическим повествователем.

Экстрадиегетический повествователь – это повествователь *hic et nunc*, пишущий, т.е. с ним связано все, что касается оформления текста, рефлексии над его структурой, объяснением выбора тех или иных слов, самим актом письма. К экстрадиегетическому уровню повествования относятся все перформативные высказывания на том основании, что являются эквивалентными действию, поступку, т.е. совпадают с актом письма.

Специфической особенностью автобиографического текста является автобиографический пакт и автобиографический акт. Автобиографический пакт в тексте представлен паратекстом (авторским перитекстом) и является частью автобиографического акта, который фиксируется экстрадиегетическим уровнем повествования. Как показывает данная работа, проблему специфической литературности *littérature intime*, которая и является фокусом рассуждений об автобиографических текстах, стоит решать именно на уровне экстрадиегетического повествования.

Первая глава – «Литературная кухня: особенности структуры повествования писем, адресованных женщинам» – посвящена анализу писем Цветаевой, адресованных А. Тесковой, А. Берг, В. Буниной, Р. Ломоносовой, Н. Гайдукевич, С. Андроникова-Гальперн, О. Колбасиной-Черновой.

Предпосылкой задуматься о возможной разнице между блоками писем в зависимости от пола адресата является существующая традиция литературного жанра романа в письмах. Однако для «женской» переписки таких литературных и поведенческих моделей не существует. Сама история публикации «женского» эпистолярия не столь обширна, как женско-мужского, где потенциально могут выстраиваться любовные отношения, разыгрываться сюжет романа в письмах.

Анализ «женских» писем Цветаевой показал, что в этой группе переписки литературность свойственна таким элементам экстрадиегетического уровня повествования как обращения, прощание, благодарность и рефлексия акта письма.

Обращения тяготеют к устойчивым формулам, и здесь признаком литературности является использование обращения *«милая имя (отчество)»* вместо распространенной конструкции *«дорогая имя (отчество)»*. Выбор обращения *«милая»* в случае с Буниной обусловлен причастностью писем к собственно художественному тексту Цветаевой (данные письма функционируют как паратекст очерка «Дом у старого Пимена»), а в случае с Андрониковой-Гальперн созвучностью, которая проявляется через аллитерацию, формы *«милая»* и имени адресатки.

«Женские» письма наполнены просьбами и, как следствие, благодарностью за оказанную помощь. Выражение благодарности тяготеет к устойчивым конструкциям, которые повторяются от письма к письму. Нерегулярно формула благодарности разрушается, и благодарность приобретает черты литературности через использование тех же приемов, которые свойственны поэтике собственно литературных текстов Цветаевой, а именно техника «умной молитвы» исихастов и практика имяславия с высокой ценностью молчания, произнесенного сакрального слова. Аналогично режим литературности подключается и в рефлексии самого акта написания письма.

В отличие от остальной переписки Цветаевой в письмах, адресованных женщинам, прощание является регулярным элементом повествования. О том, что выбор формулы прощания не случаен, свидетельствует изменение устойчивой финальной конструкции «женских» писем: прощание *«целую»* меняется на *«обнимаю»*. Такая перемена конструкции связана с событиями поля литературы – получением автором-женщиной Нобелевской премии. Это провоцирует Цветаеву на прочтение премированного текста, он

включается в набор текстов составляющих литературное пространство Цветаевой, где уже существуют тексты авторов-женщин, но неотмеченные премией, занимающие слабую/маргинальную позицию в литературном поле. Допуск автора-женщины на литературный Олимп дает «пропуск» адресаткам Цветаевой в литературу, которая в случае Цветаевой понимается как внутренне пространство, а в прощании выражено заменой конструкции «целую» на «обнимаю». Формула прощания «обнимаю» подразумевает понятие объема. При этом во внутреннее пространство, синонимичное литературному пространству, женщины-адресаты попадают не как персонажи премированного и актуального Цветаевой текста, а как соавторы.

Вторая глава работы – *«Литературные подмостки: особенности структуры повествования любовных писем, адресованных мужчинам»* – посвящена анализу той части эпистолярия Цветаевой, которую можно назвать романом в письмах. Это письма, адресованные А. Вишняку (Геликону), А. Бахраху, К. Родзевичу, Н. Гронскому, А. Штейгеру.

Эпистолярные романы Цветаевой, рассматриваемые в данной главе, происходят в период с 1922 по 1936 гг. И если временная разница между романом с Вишняком и Бахрахом незначительна (один год), а письма к Бахраху «превращаются» в письма к Родзевичу, то роман с Гронским происходит после пятилетнего перерыва в эпистолярных любовных отношениях, а со Штейгером – после восьмилетнего. Несмотря на временную разницу, все эпистолярные романы обладают общими чертами, восходящими к литературной традиции любовной переписки.

Общим обращением для всех любовных писем Цветаевой является апеллатив «(мой, милый, дорогой) друг», «дружочек». Обращение «друг» является клише любовных писем, начиная от образцов куртуазной культуры, где формируется европейская традиция любовных эпистолярных отношений, до современных Цветаевой частных писем. В случае Цветаевой обращение «друг» становится признаком литературности текста и отсылает к текстам разных эпох, интерпретирующим *куртуазную модель* любовных отношений. Актуальными для Цветаевой являются тексты, так или иначе трансформирующие куртуазную концепцию *amor de lonh*: «Португальские письма» Габриэля Гийерага, письма Жюли де Леспинас графу Гиберу, «Переписка Гете с ребенком» Беттины фон Арним. Объединяет эти переписки обращение к возлюбленному «друг» и представленная в них безответная любовь, причиняющая страдания, которые переносятся с радостью.

Безответную «невозможную любовь» обеспечивает и *любовный треугольник*, который в куртуазной культуре представлен следующими позициями: Дама, ее Муж и влюбленный в Даму Рыцарь. Данная схема «удобна» тем, что вмещает биографические обстоятельства Цветаевой: Цветаева – замужняя Дама состоит в любовной переписке с Рыцарем (Вишняком, Бахрахом, Родзевичем, Гронским, Штейгером). Муж (Эфрон) является пассивным участником этих отношений, о нем в письмах или только упоминается (Бахрах, Штейгер), или же он становится объектом совместной заботы Дамы и Рыцаря (Родзевич, Гронский).

Выстраиваемый в письмах к Родзевичу любовный треугольник уточняется через обращение «*Арлекин*», которое отсылает к ситуации тройственных отношений *commedia dell'arte*, и тогда роли в письмах Цветаевой Родзевичу распределяются следующим образом: Арлекин (Родзевич) – Пьеретта (Цветаева) – Пьеро (Эфрон).

В переписке с Гронским любовный треугольник уточняется через текст самой Цветаевой. Обращение к адресату «*Кóлюшка*» восходит к герою поэмы-сказки Цветаевой «Мблodeц» Мблodeцу. Предлагаемый поэмой любовный треугольник Маруся – Мблodeц – барин используется как модель отношений Цветаева – Гронский – Эфрон.

Еще один вариант тройственных отношений предлагается в письмах к Бахраху, но этот треугольник принципиально отличается от моделей, восходящих к куртуазной культуре, *commedia dell'arte* и поэме «Мблodeц». Цветаева пробует выстраивать постлюбовные/дружеские отношения с Бахрахом через фигуры персонажей газетных хроник 1910-х гг. Марию Тарновскую, Доната Прилукова и многочисленных мужчин, которые фигурировали в уголовном деле Тарновской. В данном треугольнике ключевой является фигура Прилукова, которая предлагается в качестве образца преданного друга Бахраху.

Куртуазная модель любовных отношений вводится в письма Цветаевой и через *прециозную литературу* (Мадлен де Скюдери, «Клелия»), которая уточняет понятие дружбы как нежной и предлагает топографию любви-дружбы в виде «Карты страны нежности». Концепцию любви, предложенную «нежной» прециозной литературой, поддерживают обращения «*мой нежный*», встречающиеся в письмах к Вишняку, Бахраху, Родзевичу, а «Карта страны нежности» прямо упоминается в письме к Гронскому. Обращение «нежный» по принципу «тесноты стихового ряда» присоединяется к апеллятиву «дружочек», который, по версии Цветаевой, происходит от слова «жить», а ее эпистолярные романы – это способ довоплотиться в жизнь.

Идея довоплощения через любовь (возлюбленного) вводит в письма Цветаевой *русалочий миф*, самые известные варианты которого – это «Ундина» Фридриха де ла Мотт Фуке и «Русалочка» Ганса Христиана Андерсена. Из этих двух хрестоматийных произведений для Цветаевой важной становится именно сказка Фуке, которая имитирует рыцарский роман куртуазной эпохи.

В русалочьем мифе довоплощение в жизнь через возлюбленного связано с обретением души и бессмертия. В случае Цветаевой, появление возлюбленного провоцирует написание текста (не только письма, но и стихов), который обеспечивает Цветаевой «литературное» бессмертие.

Адресаты эпистолярных романов Цветаевой конструируются не только как возлюбленные, но и «усыновляются», что поддерживается обращением «*дитя*», «*деточка*», «*сыночек*». Для «усыновления» адресата подыскиваются литературные прецеденты, «легализующие» данное моделирование любовных отношений. Для Бахраха и Гронского выбирается сюжет *Федры и Ипполита*, а для Штейгера – история *Каспара Хаузера*, представленная в романе Якоба Вассермана и биографическом ис/расследовании Октава Обри.

Обращение «дитя» ни разу не встречается в письмах к Родзевичу. Письма к нему насыщены литературно отмеченными обращениями, которые кодируют фигуру Родзевича как литературного персонажа и дают ему «пропуск» в литературу, минуя эпистолярное лоно Цветаевой. Такая текстуальная стратегия объясняется тем, что Родзевич – единственный не-поэт среди эпистолярных возлюбленных Цветаевой, поэтому он не может быть ею «усыновлен», а для его «пропуска» в литературу нужны веские аргументы, которые дает имя литературного персонажа.

Акт письма в эпистолярных романах Цветаевой представлен как рассказывание и слушание. Ориентированность текста на звучание артикулируется, передается графически (слова подчеркиваются, пишутся прописью, в них расставляются ударения), а также представлено фонетической игрой формами слов. Цветаева уточняет обстоятельства «беседы» адресатов: расписывает местоположение участников разговора, иными словами, выстраивает *мизансцену*.

Просьбы эпистолярных романов Цветаевой сводятся к инструкциям, направляющим траекторию чтения, которое определяется как произнесение текста вслух. Цветаева берет на себя *режиссерскую функцию*, указывая адресату, как именно должен произноситься текст. К таким режиссерским пометам можно отнести и графическое оформление текста, задающее интонацию и отмечающее паузы.

Выражение благодарности неактуально для любовной переписки Цветаевой и даже враждебно: благодарность, высказанная Штейгером Цветаевой, разрушает их отношения. Благодарность оказывается важной только в письмах к Бахраху, где превращается в обряд, что отсылает к ритуальным действиям, к которым восходит *театральное представление*.

В третьей главе диссертации – *«Литературное закулисье: особенности структуры повествования деловых писем, адресованных мужчинам»* – представлен анализ писем, адресованных издателям и редакторам В. Булгакову, Р. Гулю, Ю. Иваску, В. Рудневу, В. Сосинскому, П. Сувчинскому, Г. Федотову, Д. Шаховскому.

Как было показано в главах «Литературная кухня: особенности структуры повествования писем, адресованных женщинам» и «Литературные подмости: особенности структуры повествования любовных писем, адресованных мужчинам», Цветаева вводит признак мужское/женское, который может быть свойственен адресату в той или иной степени. Эпистолярные возлюбленные обладают мужественностью в полной мере, женщины-адресаты наделяются только определенной степенью мужественности (мужественные женщины), их можно определить как не-мужчин. Роль женственных мужчин или не-женщин (если использовать определение самой Цветаевой – не-дам) в эпистолярной Цветаевой отводится всем тем мужчинам, с которыми Цветаева не связывают любовные эпистолярные отношения. Такими не-дамами являются ее издатели, редакторы, литературные поверенные.

В переписке с не-дамами речь идет о корректурах и литературной работе, и эти письма приобретают черты литературности через их функцию как сопровождающего собственно художественные произведения Цветаевой текста, как паратекст (авторский эпитекст), в понимании Женетта. Также тексты писем к «литературным поверенным» ориентируются на металитературный жанр – рецензию. И вместе с тем письма к не-дамам наделяются зачаточными признаками эпистолярных романов, которые здесь не получают развития.

Перспектива возможных любовных отношений проясняется на уровне обращений. Свои эпистолярные отношения с редакторами и издателями Цветаева в большинстве случаев начинает обращением «милый», которое является регулярным апеллятивом эпистолярных романов Цветаевой. Далее обращение «милый» может чередоваться с «дорогой», но в большинстве случаев преобладает апеллятив «милый» или разница в использовании одной или другой формы незначительна. Предпочтение обращения к не-

дамам «милый» закладывает в эти эпистолярные отношения потенциал любовной переписки.

Четвертая глава данного исследования – *«Литературный маскарад²: особенности структуры повествования любовных писем, адресованных женщинам (письма-исключения)»* – посвящена анализу писем, которые нарушают привычный ход переписки. Это письмо к С. Андрониковой-Гальперн от 12 августа 1932 г., письма Н. Гайдукевич от 17 марта, 9 мая, 1 июня, 24 июня 1934 г. и письмо к Т. Кваниной от 17 ноября 1940 г.

Такие письма-исключения встречаются в группе писем, анализируемых в главе «Литературная кухня: особенности структуры повествования писем, адресованных женщинам». Они нарушают привычную для «женской» переписки Цветаевой логику, где текст письма представляет цепочку просьб и благодарностей за выполненные поручения.

Как показал анализ писем Гайдукевич, Андрониковой-Гальперн и Кваниной, Цветаева выстраивает эпистолярные любовные отношения как с мужчинами, так и с женщинами. Общей чертой эпистолярных романов является обязательное переименование адресата: адресаты наделяются особыми именами, отсылающими к литературным сюжетам. Но роли, предлагаемые возлюбленным-мужчинам и возлюбленным-женщинам разные: для мужчин актуальной является куртуазная модель отношений, конструирование любовного треугольника, подбираются сюжеты, «легализующие» усыновление адресата. В свою очередь женщинам отводится роль потерянной возлюбленной, которая восходит к сюжету об Орфее и Эвридике.

Результаты исследования.

В результате исследования была выработана аналитическая модель для анализа автобиографического текста. Данная модель основывается на нарратологическом подходе к тексту и выглядит следующим образом:

(1) Анализ начинается с описания особенностей «автобиографического пакта» в каждой группе писем, суть которого состоит в анализе авторского перитекста конкретного автобиографического текста;

---

² В данном случае «маскарад» не является термином, предлагаемым гендерной теорией (M. Doane, S. Žižek, J. Butler, J. Riviere), а используется в профанном смысле для обозначения ситуации разыгрывания определенных ролей.

(2) Следующим шагом является анализ автобиографического акта – уровня повествования, фиксирующего повествователя как повествующего, а не как героя (анализ экстрадиегетического уровня);

(3) Далее анализируются отношения экстрадиегетического уровня повествования и авторского перитекста. Авторский перитекст является не только пограничным элементом текста, но и взаимодействует с экстрадиегетическим уровнем повествования;

(4) Заключительный этап анализа – (4.1.) определение к каким литературным моделям отсылает (и отсылает ли) экстрадиегетический уровень повествования (4.2.) описание выявленных литературных моделей.

Представленный в данной работе анализ показывает особенности структуры повествования эпистолярия Цветаевой, а также демонстрирует, каким именно способом решается проблема литературности автобиографических текстов, в частности писем. Предлагаемая модель анализа форм и приемов литературности исследует этикетные элементы писем, относящиеся к экстрадиегетическому уровню повествования, а именно *приветствие* (в случае Цветаевой оно совпадает с обращением), *прощание*, *просьбу*, *благодарность*. Также анализируется *рефлексия автобиографического акта*, фиксирующая настоящее время письма и располагающаяся на экстрадиегетическом уровне повествования.

Эпистолярий Цветаевой делится на следующие типы переписки: *любовная переписка* (любовные письма, адресованные мужчинам), *бытовая переписка* (письма, адресованные женщинам), *деловая переписка* (деловые письма, адресованные мужчинам) и *письма-исключения*, тяготеющие к поэтике эпистолярного романа (любовные письма, адресованные женщинам, с которыми ведется бытовая переписка). Для всех групп переписки актуальным элементом экстрадиегетического уровня повествования является обращение и рефлексия акта письма; прощание не является характерной чертой эпистолярия Цветаевой и регулярно встречается только в бытовой переписке; просьбы и благодарности наиболее часты в бытовой и деловой переписке, их «удельный вес» снижается в любовной переписке и письмах-исключениях. Все четыре группы переписки не только располагают разным набором актуальных для них элементов экстрадиегетического уровня повествования, но и обладают разной степенью литературности.

Адресаты любовных писем переименовываются, наделяются новым, отсылающим к литературным кодам, именем, и эти *обращения* указывают несколько направлений *интертекстуального диалога* писем: (1) немецкая (нео)романтическая литература, (2)

греческая мифология, (3) прециозная литература, (4) *commedia dell'arte*, (5) литературные тексты Цветаевой, (6) «Португальские письма» и письма Julie de Lespinasse графу Guibert. Указанные направления составляют тексты, предлагающие модель нереализованных любовных отношений, которая восходит к *amor de lonh*, концепции любви, предложенной куртуазной культурой средневековья, переосмысленной в более поздние периоды и являющейся важной для конца XIX – начала XX вв (1, 3, 5, 6). Вариант этой концепции – безответная и/или запретная любовь (2, 4). Любовную неудачу «гарантирует» любовный треугольник, который предлагают тексты, актуальные для эпистолярных романов Цветаевой.

Как показал анализ *обращений* всех четырех корпусов переписки, о «включенном» литературном модусе свидетельствует форма «милый/ая». Функция этой наиболее часто употребляемой формы обращения в эпистолярных романах проясняется на фоне бытовых писем. Форма «милая» в большинстве этих писем появляется эпизодически, а случаи ее регулярного употребления основаны на консонансе обращения и имени адресатки (письма к Андрониковой-Гальперн) или связаны с функционированием писем как паратекста художественного текста Цветаевой (письма к Буниной периода создания очерка «Дом у старого Пимена»). Обращение «милая/милый» становится признаком литературности эпистолярия Цветаевой.

Адресаты деловой переписки не переименовываются, но распространенная форма обращения этих писем «милый» является общим признаком литературности эпистолярия Цветаевой, а также основной формой обращений в эпистолярных романах, поэтому здесь оно закладывает потенциал любовных отношений, который не получает развития.

Также актуальным для выделенных групп писем является *рефлексия акта письма*. Рефлексия акта письма в эпистолярных романах повторяет структуру ремарок пьесы, которую инсценируют переименованные адресаты: конструирует мизансцены, разыгрываемые корреспондентами, задает систему пауз и регистр интонаций.

В свою очередь бытовая переписка на уровне рефлексии акта письма представляется ущербной, а как на полноценные письма указывается на любовные послания. Также в бытовой переписке акт письма представляется как молчание, что отсылает к религиозным практикам исихастов, которые являются актуальными для поэтики собственно художественных произведений Цветаевой.

Деловая переписка занимает срединное положение между эпистолярными романами и бытовой перепиской. Если конструкция обращений здесь сходна с эпистолярными романами, то рефлексия акта письма, где проговаривается отношение как

к бытовым, так и к деловым письмам как к неполноценным посланиям, приближает деловую переписку к бытовой. И если бытовой переписке противопоставляется полноценность любовных писем, то в противовес ущербности деловых писем приводится лирическая статья. Но вообще обдумывание акта письма нехарактерно для данной переписки.

Во всех анализируемых группах писем рефлексия акта письма также связана с демонстрацией и объяснением выбора того или иного слова согласно его звучанию, созвучности слов.

Такие этикетные элементы, как *благодарность* и *просьбы*, практически не встречаются в любовных письмах. Их появление связано с прекращением эпистолярного романа и трансформацией любовных отношений в деловые. Напротив, бытовая переписка состоит из череды повседневных просьб и благодарностей. В достаточно объемном корпусе писем формула благодарности, следующей за исполнением просьбы, разрушается только несколько раз, при этом просьбы остаются в рамках быта. Для построения просьб и благодарностей в любовной и бытовой переписке актуальными являются те же модели, что и для рефлексии акта письма в этих группах писем: в любовной переписке просьбы представляют собой инструкции к чтению писем, что схоже с ремарками пьесы, регулирующими игру актера, а благодарность представлена как ритуал, что отсылает к истокам театральных практик; в свою очередь в бытовой переписке благодарность выводится из повседневности «замалчиванием», что связывает ее с «умной молитвой» исихастов.

Просьбы и благодарности деловой переписки приобретают признаки литературности за счет *инратекстуальных связей*: деловая переписка сопутствует литературным текстам Цветаевой как эпитекст, просьбы и благодарность здесь фиксируют историю создания и публикации литературных текстов.

Прощание не является характерной чертой эпистолярия Цветаевой и регулярно встречается только в бытовой переписке. Если литературный режим в эпистолярных романах подключается через интертекстуальные связи, а для деловой переписки становится актуальна интратекстуальная связь между разными типами текстов Цветаевой, то для литературного модуса прощания бытовых писем является важной ситуация *литературного поля*, современная написанию писем. Формула прощания с нейтральной переключается на литературно отмеченную с момента, когда женщины, которые и являются адресатами бытовой переписки, начинают включаться в литературный пантеон.

Таким образом, все типы переписки Цветаевой обладают чертами литературности, а способ подключения литературного регистра зависит от адресата. Адресат обуславливает, какой тип связи писем с литературным пространством/полем будет задействован. Эпистолярный Цветаевой приобретает признаки литературности через (1) диалог писем с литературными текстами авторов разных эпох, (2) соотношение писем с литературными текстами самой Цветаевой, (3) отсылку к внетекстовым событиям литературного сообщества и иерархическим битвам внутри литературного поля, (4) сочетание слов, обусловленное «теснотой стихового ряда». Так, в любовной переписке разыгрываются литературные сюжеты, деловая переписка подключается к литературному творчеству Цветаевой как сопутствующий ему текст, а для бытовой переписки является важным изменением институционального статуса женщины-автора. Игра созвучностью форм сочетаемых слов нерегулярно встречается во всех выделенных группах писем.

По теме диссертации опубликованы следующие работы::

1. Театральное пространство в «Повести о Сонечке» М. И. Цветаевой, in: *Žmogus kalbos erdvėje*. Kaunas: Vilniaus Universitetas Kauno humanitarinis fakultetas, 2003 №3(1) [CD]. С. 520-531.
2. „Fedros ir Hipolito“ motyvas M. Cvetajevos laiškuose A. Bachrachui“ in: *Literatūra*, 46 (3). Vilnius: Vilniaus universiteto leidykla, 2004. P. 133-137. [MLA].
3. Элементы театрального кода у М.И. Цветаевой и театр А. Арто, in: *Стихия и разум в жизни и творчестве Марины Цветаевой*. XII Международная научно-тематическая конференция (9-11 октября 2004 года). Сборник докладов. Москва: Дом-музей Марины Цветаевой, 2005. С. 330-334.
4. Автобио-реконструктивная маска в письмах М.И. Цветаевой, in: *Literatūra. Rusistica Vilnensis*. 47(2). Vilnius: Vilniaus universiteto leidykla, 2005. С. 105-112. [MLA].
5. Элементы театрального кода в письмах М.И. Цветаевой к Е.Л.Ланну, in: *Literatūra. Rusistica Vilnensis: Opus#1-2. Русский мемуар. Соавторство*. 47 (5). Vilnius: Vilniaus universiteto leidykla, 2005. С.127-135. [MLA].
6. Особенности авто/биографического текста Марины Цветаевой: письма к Борису Пастернаку 1924 года, in: *Русская поэзия: 1923-1924*. Daugavpils: Saule, 2008. С. 232-242.

7. Auto/biografinių tekstų skaitytoja/s: Marinos Cvetajevos atvejis, in: *Oikos: Lietuvių migracijos ir diasporos studijos. Oikos: Lietuvių migracijos ir diasporos studijos*. Nr. 2. Kaunas: Lietuvių išeivijos institutas, 2008. P. 169-176. [EBSCO].

Iš rusų kalbos vertė
Taisija Laukkonén, Rima Bertašavičiūtė, Rūta Šlapkauskaitė